

**Анатолий
Санжаровский**

Сибирская роза

Анатолий Никифорович Санжаровский

Сибирская роза

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68974149

SelfPub; 2023

Аннотация

Остросюжетный роман «Сибирская роза» повествует о трагической судьбе потомственного врача-онколога Таисии Викторовны Закавырцевой. Тридцать лет сибирская волшебница, Воительница излечивала раковые заболевания, сочетая опыт народной медицины с официальной.

Содержание

1	5
2	13
3	16
4	25
5	29
6	37
7	46
8	52
9	62
10	73
11	81
12	87
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Анатолий Санжаровский

Сибирская роза

*Александру Ильичу Фёдорову – сибирскому
Далю.*

Не следует краснеть, заимствуя у народа средства, служащие к его излечению.

Гиппократ

Если в прошлое выстрелишь из пистолета, будущее выстрелит в тебя из пушки.

Восточная пословица

Анатолий Никифорович!

Роман «Сибирская роза» удался. Народные типы, народные образы. С интересом прочёл. Нравится, что Вы смело пошли на показ неофициальной медицины, народной медицины. Роман прекрасно скомпанован, хорошо выстроен каждый эпизод. Так и действуйте дальше. Прекрасное начало. Чувствуете народное слово, любите его.

Дело Ваше нужное, важное.

БОРИС МОЖАЕВ

1

Крайние дни осени отходили, отмывались в тяжёлых, неистовых дождях. Рывучие, пенкие ручьи потопно заливали улицу.

Врач-онколог Таисия Викторовна Закавырцева, возвращаясь с работы, привернула в продуктовый, взяла молока, пельменей, хлеба и вприбежку засеменила домой.

Она шла, не выбирая пути. Скорее, скорее в благостное тепло, в уют от этого обвального секучего проливня!

Она машинально глянула в сторону и споткнулась взглядом о пустое пространство в глухом дощатом заборе. Странно. Ещё вчера, когда приходила сюда, на этом месте вздрагивала под ветром старая калитка, а теперь сиротливо чернел прогал, и сама калитка, сорвавшись с петель, распято лежала на земле, её забрасывало жидкой шипучей пеной злобного потока. Откуда-то из-под крыльца покинуто плакала голодная кошка.

Дождь гулко остукивал Таисию Викторовну.

«Нина, Нина... В такие годы... Хоть и была лишь вчера у тебя, а завтра снова зайду, наведаю... Что я ещё могу?... Гм... А почему завтра? А почему не сейчас?»

Таисия Викторовна с опаской прожгла мимо собачьей будки и подивилась. Вовсе напрасно боялась! Пёс даже не шевельнулся, только скорбно посмотрел и вздохнул, не под-

нимая головы с передних лап.

Александрю Ильичу Федорову - сибирскому Далю.

I

Крайние дни осени отходили, отминаясь в тяжелых, неистовых дождях. Рывучие, пенные ручьи потопно заливали улицу.

Врач-онколог Таисия Викторовна Закавирицева, возвращаясь с работы, привернула в продуктовый, взяла молока, пельменей, хлеба и вприбавку засеменила домой.

Она шла, не выбирая пути. Скорее, скорее в благостное тепло, в уют от этого обвального секучего проливня!

Она машинально глянула в сторону и споткнулась о пустое пространство в глухом дощатом заборе. Странно. Еще вчера, когда приходила сюда, на этом месте вдрагивала под ветром старая калитка, а теперь сиротливо чернел прогал, и сама калитка, сорвавшись с петель, распято лежала на земле, ее забрасывало жидкой кипучей пеной злобного потока. Откуда-то из-под крыльца покинуто плакала голодная кошка.

Дождь гулко остукивал Таисию Викторовну.

"Нина, Нина... В такие годы... Хотя и была лишь вчера у тебя, а завтра снова забуду, наведу... Что я еще могу?.. Им... а почему завтра? А почему не сейчас?"

Таисия Викторовна с опаской прожгла мимо собачьей будки и подавилась. Совсем напрасно боялась! Пёс даже не шевельнулся, только быстро посмотрел и вздохнул, не поднимая головы с передних лап.

Дом был слепой, без огней.

Таисия Викторовна, часто бывавшая в этом доме и знавшая его, как свою ладонь, быстро прошла в комнату к больной и словно вкопанная остановилась у порога, медленно притворяя за собой дверь.

Плоские, тупые сумерки заглядели комнату. Никого на радио, ни звука

*Первая страница романа
«Сибирская роза». Рукопись.*

Дом был слепой, без огней.

Таисия Викторовна, часто бывавшая в этом доме и знавшая его, как свою ладонь, быстро прошла в комнату к больной и словно вкопанная остановилась у порога, медленно притворяя за собой дверь.

Плотные, тугие сумерки заливали комнату. Никого не видно, кругом темнота, и откуда-то из темноты сочился охриплый Нинин стон – Таисия Викторовна ни с чьим его не спутает, – и в этот тяжкий стон вплетался усталый детский плач. Казалось, это сама темь плакала с простонам.

Слёзы поджали к горлу.

Таисия Викторовна судорожно щёлкнула выключателем.

Нина с крайним усилием перекатила голову по подушке.

– А-а... Доктор... Лёгонькая на поминках...

– Ниточка! Роднуша! Что же вы без света?

Нина собрала на лице зыбкое подобие улыбки.

– Я... Таись Викто... Из мене весь пар вон... Вбпласть лежу... на бдре... Навовсе никудышка... Сама уже не доползу до выключателя, а синюшата мои ещё мелки... Не дотянут-ся... От мы в потёмочках и кричим... Ох, детки... детки... Нету тех лавок, где продают мамок...

Сыновья-погодки, двух и трёх лет, мокрые, поди, и под

мышками мокро, только что из-под дождя – одни прибежали из садика, – сидя у койки на полу, присмирели, перестали рёвушком реветь, с удивлением, с твердеющей надеждой взглядывают на докторицу. Мамка, мамка-то уже говорит! Не плачет!

– А сам где? – тихо спросила Таисия Викторовна.

– А где ему быти... В смене... А там, можа, зацепится где... оформит с кем горький стакашек. Не-е... Вы, докторь, не смотреть на мене так... Я к своему Слепушкину без претензиев... Я-то что? Меня уже не отладить... не всподнять... Невылечимая я... Эко шар подкатила под мене судьбина... Не век кричать... Смёртную одёжу уже собрала... Я-то сло-жу белы ручки на груди... Мне... Мене, барыньку, снесут... А мому бóле¹ каковски выть? Один-разбóженный... одним один... Как без мене возростит этих крох?... Что жа я накуделила? Родить родила и помираю... Не по судьбе... Как ему жити? Без мене он... как в сиротстве остаётся... От другой и разбежистый, и провористый, из воды дно доста-не, а мой страдалик на печке заблудится. Пропадё-ё ить без меня... пропадё-ё... Жалко... Шибко смиренный, задавит его жизнь... Ну почё он у меня такой?... Был ба хотько чудок с задачей...² Будь сила, я б утащилась в город... Христом-Бо-гом усватала б ему под масть каку тиху одинарочку...³ Тогда

¹ Бóля – милый.

² С задачей – хитрый.

³ Одинарочка (здесь) – одинокая, покорливая, ласковая женщина.

б я легко-о ушла в доски...⁴

С минуту Нина напряжённо смотрела прямо в глаза Таисии Викторовне и, отважившись, заговорила горячечно, захлабисто:

– Таись Викторна!.. Миленька... Вы мне уж не помощница... Так подмогнуть моему Слепушкину...

Нина слабо, молитвенно потянула руки к Таисии Викторовне.

– Дайте вашу руку.

Таисия Викторовна подала.

Нина прижала её руку к щеке и заплакала:

– Обещайте... обещайте... Сговорить ему в жёны каку-нить смирененьку... Не бойтесь, краснеть за Слепушкина не придётся... Кладить ей про него правдушку. А правдушка такая... У Слепушкина не выпадет работа. В работе не боится ломать горбушку... Горячий... С огня так и рвёт, так и рвёт. Он у мене за солнцем не лежит... Не лодыряка какой. Любому слесарьку нос забьёт... Хва-аткий, цо-опкий в деле. Про мово Слепушкина не скажешь: ни в горсть ни в сноп... В заводе на славе, кругом ему почётность... И в житье поккладливый... славен норовом... Грех жалобиться. Мягкой, обходительной... лежит к душе... Не в свою лавочку не лезет. В пьяной крутанице не воевода... Не падкий на бабьи слёзки...⁵ Так... на праздничек когда иль под красный под

⁴ Уйти в доски – умереть.

⁵ Бабьи слёзки – спиртные напитки.

случай какой... легошко примет... А чтоб в пьянку даться... А чтоб упиться на пласт – такой беды и разу не приворачивало... Э-э... Чё попусте слова тереть?... Ладён мужик... Из десятку не выбросишь. Обещайтесь... о... ну обещаетесь... доктор...

Таисия Викторовна мелко затрясла головой. Да, да!

И, стыдясь своих хлынувших слёз, отвернула лицо, осторожно высвобождая руку.

Буркнув что-то про холод, про то, что это не дом, а волкоморня, Таисия Викторовна кинулась растапливать печку.

Наварила пельменей своих, накормила сидевших голодом ребятишек, Нину.

Тут и вода поспела, подхватила ключом кипеть.

Выкупала в тазу Нину, уложила.

Вздыхнула Нина рассвобождённо, сиротливая радость качнулась в глазах. Поскреблась под подушку, нашарила что-то, подаёт на сухой дрожащей ладонке какие-то странные изрезанные комочки.

– Доктор... добруша, в отплатку за вашу доброту... примить... Корешок... Втай от вас бегал мой Слепушкин к бабушке...⁶ Уважила, дала. Сказывают, хорошо этот корешок побивает рак... ежель с умом да в час... в свой час напустить... Да уронила, упустила... прозевала я свою судьбу... Меня уже не выдернет из беды... Такая стадия... Никакому лечению не принадлежу... Коряво всё покатилося. Ни скла-

⁶ Бабушка – знахарка.

духи ни ладухи... Получила гроб... Безо всякой надёжки остатни доплакиваю деньки... Берите...

Таисия Викторовна печально улыбнулась и отрицательно покачала головой.

– Брезгуете... Ну что ж... Каждому скворцу своя скворешня... А только я так скажу... Навпрасно отпихиваетесь от коренька... По слухам, народ извеку подпирал им своё здоровьице. А народ не глуп, ой не глуп, что попадя в рот не понесёт. Ежли в чём сомнительность ломает, так ты своим учё... научёным глазом посмотри на корешок, добавь чё от науки от своей учёной и потчуй болезника... Берите. Я не последня сгораю... не последня... Не мне уже... вам... живым... Вам живым до крика надобится это святое кореньице... Ва-ам!..

Таисия Викторовна взяла.

Совестно было обижать Нину отказом.

2

В скорых днях Нина отошла.

Её смерть сломала в Таисии Викторовне какой-то важный, прочный, отлаженный механизм, и Таисия Викторовна, в силу профессиональной привычки принимавшая смерть тяжелообольного почти как само собою разумеющееся, – рак не насморк! – вдруг почувствовала себя виноватой.

Ты сделала всё возможное, оправдывалась она перед собой, но прежняя успокоенность не приходила. Ты перед покойницей чиста. Да от этого разве она заговорит?

В анатомке она и разу не могла взглянуть Нине в лицо.

«В чём моя вина? В том, что ты в двадцать пять мертва, а я и в сорок живу? Но окажись я в твоих санках, я б тоже уже не рассуждала...»

При вскрытии Таисия Викторовна отметила про себя обычное: опухоль на десять-пятнадцать сантиметров окружена, облита нездоровой, набрякшей тканью, которая после удаления опухоли не мёньшала, а росла. Несмотря на то, что первичную опухоль выхватили, злокачественный процесс, эта «зверонравная» машина, не затухал, как должно бы быть, а напротив, разгорался, разбежался ещё сильнее.

Что тут предпримешь?

Хорошо бы иметь средство, которое снимало бы остаточные явления злокачественного процесса так же, как, напри-

мер, снимает их при гнойниках пенициллин.

Но как – иметь, если такого средства нет?

Нет – найти!

Неправда!

Коли есть болезнь, должно быть и средство лечения.

Должно!

Озарённая этой мыслью, перебрала она ворох препаратов, в которых почему-то надеялась-таки выловить и то самое средство заветное.

Но, прокатившись на полях, отошла от них, привернула к травушкам. Чага, марьин корень, ромашка, подорожник... Нет, нет, тоже не то. Совсем не то!

Что же тогда *то*? В чём же тогда *то*?

Нинин корень не выходил у неё из головы.

Однако как он хоть называется? Где растёт? Кто знает, как им пользоваться? Шатнуться с этим катышком к бабушкам? Узнают, что я врач областного онкологического диспансера – будет куча смеха! Слушок побежит по городу. Гли-ко, наука пошла на поклон к бабушкам! На выучку к тё-ёмным баушкам пошла! Э-э, наука, наука – пустая ты штука, раз полезла на ту же ёлочку...

И потом, ещё неизвестно, как наши примут мой поход к знахарям... В какую сторону повернут...

Не-ет, надо самой всё разведать, надо самоуком дойти, что за подарок поднесла мне Нина.

Три года к Таисии Викторовне не подпускала покой, зве-

нела комаром Нинина загадка.

Вечерами толклась то в одной, то в другой библиотеке, всё выискивала книжки про растения.

Только теперь она дотумкала, почему корень исполосовали до неузнаваемости. Раз по раку, наверняка из ценных, в прибыли наваристый, и знахарь, боясь, что корень может попасть к врачу, и, держа впотаях *секрет фирмы*, изрезал до краю, сбил форму – *замуровал, заминировал*. Но и обезображенный он оставался самим собой, с ним было всё его: запах, цвет, плотность.

Таисия Викторовна читала, сравнивала и непонятно даже для себя – ну разве объяснит собака, почему она идёт по следу зверя? ну разве объяснит птица, почему она поёт? ну разве объяснит речка, почему она обегает гору с этой, а не с той стороны? – и непонятно даже для себя скорей интуитивно угадала.

То был борец.

Царь-трава.

Царь-зелье.

Царь тибетской медицины.

3

В первую же неделю радость открытия обмякла, опала, и Таисия Викторовна, нигде и никому не проронив ни звука про свою удачу, затревожилась.

Ну, знаю, был у Нины борец. Дальше-то что? Как этого *царя* впрячь, воткнуть в работу? У кого выведаешь, как его применять? Кому первой предложишь испробовать? Какими словами скажешь? Как в диспансере посмотрят наши на всю эту петрушенцию?...

Вопросы напоздали один ядовитей другого, и Таисия Викторовна, зажатая их тисками, навалилась дотошно изучать корень. И Бог весть сколь протопталась бы над своим кореньком, не позови её неотложная чужая беда.

Однажды, обходя тяжёлых больных на дому, спросила она Катю Игнатову:

– Ну что, Катюша, как мы себя чувствуем?

Не то с укоризной, не то с сожалением Катя коротко покивала, сломленно ответила:

– Вы, я вижу, чувствуете себя ладно. А я... Что я?... Лежу пеньком. Ну да к чему про меня речи терять? Вы лучше знаете моё положение... Докувыркаюсь ли до нового вашего прихода?

У Таисии Викторовны не поднялась душа разубеждать, что обычно делают врачи в таких случаях, лишь совестливо

опустила лицо.

Долгим, благодарным взглядом посмотрела Катя на Таисию Викторовну. Спасибоушки, врачей вы наша добрая, что не прибрёхиваете, что не любите финтить-винтить, спасибо за прямоту. Разве с морфия кто да ни будь восстал?

– Хорошо, Таис Викторна, что не сулите золоты горы. С вами можно по правде... Знаете, обида... Зло давит... Ну почё нам дажно правды не сказывают? Лечили, лечили в стационарке... Никакой просветности... Списывают домой, *на воздух*, на это сим...симпа...ти...чное лечение...

– Симптоматическое.

– О, оно самое... Какое закомуристое... А нет вправде напрямую чесануть: лихо край доспелося, не хватает наших мочей вас выздоровить, вот и ссылаем домой домирать... Сгори здесь, в диспансере, нам какой минусяка! Статистику только подгадите. А откинь ложки дома... Это ж дома! Мы в стороне, а не в бороне. На нас не повесят!.. Кривая ариф... кривая бухгалтерия... У моих соседев сынка учится на врача. Ласковый, заботный, зря ватлать языком не станет. Я спросила почитать про это моё домашнее лечение. Он и притарань книжищу толще библии. Там я вычитала, на память положила... Для надёжности себе списала...

Она сняла с полочки над головой тетрадь. Прочла:

– «Симптоматическое лечение сводится не только к ликвидации одного тягостного для больного симптома, но и к разрыву цепи взаимосвязанных и взаимообусловленных на-

рушений в организме, одним из звеньев которой является данный симптом...» Фу, псарня ты прихвати, еле прожевала! В книжке всё ловко, всё ладь да гладь. Да только в себе чтой-то я не чувствую разрыва этой распроклятушей цепи... Как же, жди! Воздух разорвёт, морфий разорвёт... Что ж оне в стационарике не разрывали? Иля дома в чём сподручней? Ой лё... Пока дождь с земли на небо не падывал...

Катя задумалась, отсутствующе вперилась в бледную потолочную немочь.

– Знаете, Таис Викторна... – заговорила, не убирая слабых, покинутых глаз с потолка. – Вы знаете, про что я думаю на отходе?

– Скажешь... узнаю...

– Про нашу хвалёную учёную медицину. Вы не подсчитывали, сколь у нас академиков, профессоров, кандидатов там разных?... До лешего! Чёрт на печку не вскинет. Брось палку в собаку, а попадёшь в академика. И чем же эта учёная орда пробавляется?... Тут тёмный лес – никакой просветки! Вроде летом и лёд не сушит, и баклушки не сбивает, но и пользы нам, кого боль ломом ломает, ни на грошик. Книжужьки лепят, диссертации друг у дружки переворачивают... Ихними кирпичами все склады под верх забиты. Складам горе, а нам вдвоя... Сдвинуться с ума... Чиликают в тех писаниях про рак. А рак неграмотный. Тех писаний умных не читает, он как ел бедолаг, так и ест... так и ест... А ну выложи те книжки в один порядок... Коль не хватит на выстелить дорогу до

луны... до кладбища помилуй как хватит... Даже останется... Ой... наплантовала я вам семь бочек арестантов...

Катя приподнялась на локтях, посветила обречённой улыбкой.

– Я всёжги счастливей Нины... Лежали мы с ей в стационарке вприжим, койка к койке. Задружились. У нас же всё одинаковое... И года наши, и болячки, и семьи. Всё горем горевали, да как это спокидать мужиков одних с детишками в малом виде?... Аха-а... Мой-то, похоже, не ротозиня, пооборотистей её Слепушкина. Как списали меня с диспансера, я и вижу, нараз⁷ совсем прокис. Ни жив ни мёртв таскает ноги. То был... Он у меня, извиняюсь на слове, регулярный воин. Без ласки не заснёт... А тут не то что ласки, разговоров на эту тему не подымает. Иль тоска его задавила, до время хоронит меня, иль наискал чего на стороне? Я говорю: как на духу сознавайся, уже завёл ночну пристёжку? Клянётся-божится: нет и нет и на план не занашивал. Вот, напрямую отстёгиваю, за это-то – и на план не занашивал! – я те и повыщарапаю ленивы глазюки! Нашёл чем фанфарониться! Напрок⁸ обдумляй... Я не нонь-завтра перекинусь, кто детишкам уход даст? Кто накормит? Кто поджалеет?... Ты на ночь добра не лови – на жизнь ищи! Чтоб была моей фасонности... Всё вам не проходить деньги⁹ на одёжку ей...

⁷ Нараз – сразу.

⁸ Напрок – на будущее, наперёд.

⁹ Проходить деньги – истратить деньги.

Я б отдарила ей всё своё, вплоть до нашиванки...¹⁰ ежли не возбрзгует... Да и... Увидишь ты её в моём и подумаешь – я это... И тебе было б легче, и мне, может, там будет легче, что ты не забываешь меня... Ну... намечталась... Через неделю чтоб как штык стояла туточки твоя чепурилка... Покажешь... Игнатик мой вялую руку к виску, как-то подбито поклонился: слушаюсь. И через неделю потомяча мой леший красноплеший привёл-таки! Напримерно моих так лет, с ловкой фигуркой... Лицо смешливое, простецкое, в золотых конопушках. Свеженька, опрятненька так... Думаю, чисто себя водит. С одуванчиком¹¹ на голове, в нарядной коротенькой татьянке...¹² Лежу я... Ни суха ни мокра... Мне ни хорошо ни плохо, как-то навроде и без разницы... Всё гадаю, а будет она моим горюшатам мать але ведьма? Вроде б так к матери ближе... Не какая там бардашная девка... не распустёха... Мне девчошечка поглянулась... Красивая... Ну, красоту не лизать, жили б в одно сердце... Ну, стала она захаживать. То постирает что, то сготовит да меня ж и подкормит... Мы даже немноженьку сошлись... Какой-то особенной любви я промежду ними не вижу. Да оно и к лучшему. Надо порядок додержать. Уж как сойду, наполне развяжу им руки. Я покойна... Муж, детки не будут у такой сиротами. Наказываю ей: ты за самим зорче карауль, а то он рюмашке

¹⁰ Нашиванка – праздничный цветастый платок.

¹¹ Одуванчик – марлевая косынка.

¹² Татьяна – юбка в мелкую оборку.

мастак кланяться, не давай ему воли выше глаз, сгорит же с вина!.. Ухватила кавалерка моего пантюху крепенько, ни разу не был при ней и под малым градусом. Мой даже взглядывает на неё слегка похололиво. А ничё... Мужик в строгости не испортится... Я сделала, что могла... Семья без меня не падёт... Это главное... На душе тихий рай, покойность... Можно и в отход... чем так мучиться...

Катя вдруг сморщилась, закрыла лицо руками и заплакала навскрик.

– Доктор! Миленька!.. Брешу, брешу всё я!.. Каки ни египетски боли, а помирать больней!.. Тупая... спесивая... распроклятка наука! Чем помирать по этой науке, лучше жить без науки!.. Таис Викторна, миленька, – изнурённо зашептала Катя, – поджалейте мою молодость, помогите!.. Морфий добьёт... Как Нинушку!.. Я слыхала... Слухи бегают... сурьма помогает...

– Не знаю, Катюша, помощница ль тебе сурьма, – на раздумях сказала Таисия Викторовна. Вспомнила о своём борце, опасливо добавила:

– Вот травки...

– Травок-то полны леса. Да тольке выросла ль травка от погибели?

– Нарос... ла... – заикаясь, ответила Таисия Викторовна. Ладони у неё запотели, невесть отчего перехватило дыхание. Ей стало вдруг страшно, страшно оттого, что делает она что-то такое, чего не следовало бы вовсе и делать. – На траве си-

деть, траву пить... – машинально проговорились сами собою эти слова. – Вот... – нервно достала из сумочки крохотный флакончик. – Это настойка. Должна бы помочь...

Было такое чувство, будто этот флаконешко жёг ей пальцы, и она суетливо поставила его на тумбочку у Катиного изголовья.

– Я ведь, К-катюша... В голове гудит, как на вокзале... Уж сколько дней хожу по больным по своим с этим борцом, а предложить боюсь... Ядовитый корешок...

Катя посмелела глазами.

– Да не ядовитей морфия! А отравиться и морковкой можно. Вон врач прописал одной моей знакомке морковный сок. Уж чего проще! Знакомка и рада стараться, навалилась хлестать почёмушки зря. За раз выдудолила четверть и откинула варезки.

– Осторожничай... Не дай Бог из детворы кто хватит.

– Таисия Викторовна! Миленькая! Не беспокойтесь, лиха сна не знайте. От детворы уж уберегу, а самой чего лишко хлебать? Каку дозу проскажете, та и моя.

– Доза нехитрая. В первую неделю по две капли три раза в день за пятнадцать-двадцать минут до еды. Пипеткой накапай в стопочку с сырой водой и пей. Во вторую неделю прибавляешь на одну каплюшку, в третью ещё на одну и так поднимаешь до десяти. Потом в каждую неделю сбрасываешь по капле, срезаешь норму до исходной – две капли. Ты у нас гинекологичка. Тебе надо и спринцеваться... Десять капель

на пол-литра воды... Ты молодая, крепковатая, не очень запущенная... Я с тобой, шевелилочка, в полгода разделаюсь, как повар с картошкой.

– Уврачуете?... Поднимите? – робко уточнила Катя.

Таисия Викторовна плеснула руками.

– О! Да ты вся выпугалась в смерть. Думаешь, а чего это я тебе навяливаю? Не трусь. Это настойка борца. Две настаивала недели... Пять грамм корня на сто двадцать пять грамм семидесятиградусного спирта. Не бойся, свою настоюшку я уже проверила дома на коте на своём, на собаке Буяне, а вперёд на самой себе. Не баран чихал! Пила по граммулке сперва. Безвкусная. – Таисия Викторовна глянула на флакон на тумбочке. – Никакого яда не слышно. Цветом золотится. Вишь, похожа на коньяк. Коту подпускала в молоко, в суп. На пятой капле забастовал мой Мурчик, не стал лизать молоко. На пятой капле я и сама уловила лёгкий яд... Как-то угнетает, вдавливают в тоску... Но видишь, цела, не рассыпалась вдребезь...

А ночью Таисии Викторовне приснился сон.

Увидела она себя совсем маленькой, гимназисточкой-первоклашкой. В белом платьишке, на головке веночек из ромашек. Впрыск бежит счастливая Таиска по лугу ромашковому, несёт перед собой мотылька на раскрытой ладонке, щебечет стишок:

*– Расскажи, мотылёк,
Как живёшь ты, дружок,
Как тебе не устать
День-деньской всё летать.*

И в тон ей звончато отвечает с ладошки мотылёк:

*– Я живу средь лугов
В блеске летнего дня.
Аромат из цветов —
Вот вся пища моя.
Но короток мой день,
Он не более дня.
Будь же добр, человек,
И не трогай меня.*

4

Отслоилось несколько месяцев.

Таисия Викторовна пришла к Маше-татарочке. Всегда мягкая, всегда стеснительная Маша ожгла её холодным, обиженным взглядом.

– Когда раздавали мудрость, в мой мешок ничаво не попал! – чуже посыпала Маша словами. – Пускай я балда осиновая, глупи, но я напрямки искажу... Я, докторица, на тебе пообиделась. Ай как сильно пообиделась, один Аллах знай!..

– Маша! Милуша! Да за что? – Таисия Викторовна бочком подлепилась на кровати к больной. – Давай сядем криво, да поговорим прямо.

– У тебе одна больной – эта! – вскинула Маша мизинец. – Другая больной – эта! – выставила большой палец. – Я эта больной! – Она пошатала мизинец.

– Маша! Не носи греха на душу. У меня все больнуши равны.

– Не все, не все... Ты зенкалки болшой не делай... Я со-всема здыхот...¹³ Кабы был мне сил, я б отворотился от тебе... К стенке поворотился ба... Одна стенка чесни... Я всю недель рыдал, как буйвол... Мне не был так чижало, когда

¹³ Здыхот – больной.

работал землеройкой,¹⁴ когда таскал потомяча на стройке кирпич на тачка... Машина такая ОСО, две ручки и колесо...

Таисия Викторовна растерянно заозиралась. Где же это я напрокудила? Чего ещё накуролесила? Вроде вина за мной никакая не бегаёт... Неужели кто на хвосте сплетни нанёс?

Замешательство врача вытягивает из больной огонь злости, и Маша ворчит уже тише, смятенно жалуясь:

– Равны... Кабы был равны, так ба я тожа пел. Игнатиха – вота где раздуй кадило!¹⁵ – по телефон как нарочи¹⁶ уже мал-мала хулигански песняга поёт:

Кабы знала-перезнала,
Где мне замужем бывать,
Пособила бы свекровушке
Капусту поливать.

Я, простячка, такой песняга не пою. Мой песня коротки, мой песня одна: ох-ох-ох. Припевка тожа одна: ой-ой-ой... Бессовесни Игнатиха выхваляется: боль уж малешко. – Маша чуть развела указательный и большой пальцы. – Кушает, как слон. Спит, как медведе в берлоге зимой. Как мы равны? Я не сплю... Ночку кричу, деньский день кричу без перерыв на завтрак, на обед, на вечерю. Совсемушка ничаво кушать

¹⁴ Землеройка – работница овощной базы.

¹⁵ Раздуй кадило – об озорном человеке.

¹⁶ Нарочи – нарочно.

не хочу... Высох... паличка... Вес сорок один кило. Хорошая барашка болша тянет... Сила из мне утекла... Совсемко моя жизнуха размахрявилась... К больному даже муха пристаёт... Я такой здыхот, такой здыхот... Шла на Плеханова... Нет, это трамвай шла на Плеханова, а я стояла. Трамвай шла мимо и сдула меня. Ветром от трамвая сдуло! О, как вы, врачаея, лечите... Прошу своих: не троньте, не шевелите мне... Мне к земле тянет... К земле... Говорят, жизнь – колесо: то поднимется, то придавит. А мне всю время давит, давит... Моя мужа на война голова положил... Как хорошо, что до войны я обдетилась. Четыре детишка у мне... Разве я могу помирать? Не могу. Нельзя... запрещается... Давай нараз, золотая докторица, твои золоты капельки! Почё не даёшь?... Я тожа хочу кушать, как слон, спать, как медведе, петь, как бессовесни Игнатиха... Когда подковывают коня, лягушка тожа протягивает лапку...

– И умно делает! – воскликнула Таисия Викторовна, довольная желанным поворотом встречи. – Катящийся камень, Машенька, отшлифуется, лежачий покроется мхом... Дам я тебе свои капельки. Только ты уж не копи на меня зла... Я почему раньше не давала тебе? Корпело сперва твёрдо разведать, как работают мои капельки. Горелось закончить полный курс хоть на одной больной...

Маша протестующе пронесла руку перед своим лицом из стороны в сторону.

– Ух, докторица! Это шайтан в те говорит. Не ты гово-

ришь... Что ж мне ждать-выжидать полный курс? Я ж добыдчивая! Не нонь, так взавтре могу добыть себе могилку! Курс будешь смотреть потомокось. А сначатия¹⁷ давай скорейко сюда твои живые каплюшки... Чего прощей... Давай сейчас, золотунечка... Или чё, обеушками¹⁸ надо их из тебе тащить?

¹⁷ Сначатия – сначала.

¹⁸ Обеушки – клещи для выдёргивания гвоздей.

5

Уже *оттуда*, из могилы, выхватила Таисия Викторовна пятерых горюх.

В диспансере на них махнули. Безднадёжные! Медицина сделала всё, что могла, что было ей по зубам.

А теперь чего без толку тиранить людей? Чего изводить врачей и себя?

Выпишем домой. «На воздух». «На солнечные ванны».

Их выписывали умирать в кругу семьи.

А они рвались жить, рвались растить детей, рвались к делу и, поникшие, отчаявшиеся, готовые на всё – голому разбой не страшен! – шатнулись к закавырцевской травушке.

Травушка спасла, достала из гроба.

На ком камнем висела инвалидность – сняли. Все вернулись к прежней работе, к будничным семейным заботам, набавив радостных хлопот и самой Таисии Викторовне.

В обычае, она встречала с работы мужа на крыльце, ласково заглядывала в глаза. Ну что, всё в порядке?

А тут нетерпёж поджёг. Выскочила на угол улицы.

– Кока! – со всех ног бросилась к мужу, едва выворотился тот из-за дома. – Кока! Она жива! Это тебе не баран чихал!.. Жива!.. Вот телеграмма! Ёлкин дед, её телеграмма!

Малорослая, худенькая, как девочка-подросток, Таисия Викторовна с лёту ткнулась в мужнино утёсное плечо, при-

жалась, подбираясь всем телом под надёжную, широкую руку Николая Александровича.

– Так ну читай, крошунечка!

– «Бесценная моя Таисия Викторовна!» – на ходу разбежалась читать она и тут же осеклась, смущенно бросила взор на мужа. Ну видал, как меня?!

Он ободряюще кивнул: всё правильно.

– «Чувствую я себя хорошо. Работаю на старой работе. Домашнюю работу делаю всю сама. Воспитываю шестерых сынков. Спасибо Вам за внимательность, за жалость к больным, за горячие чувства. Вы подняли меня со смертельной постели. Прошло ровно три года после моего лечения, и когда я в мыслях иду мимо этого здания, я боюсь вспоминать. Сегодня ровно три года, как я выписалась. Сегодня ровно три года, как я живу благодаря только Вам, дорогая Таисия Викторовна. Большое спасибо за всё. Ваша якутяночка».

Таисия Викторовна очарованно смотрела на раскрытую телеграмму и не верила, что пришла она с самого Ледовитого океана. С какой дали дать голос!

Надо же...

Тогда Таисия Викторовна только начала скрадчиво работать с борцом, а шумок про неё скоро добежал до ледовитой воды. Земля сухая, как пепел, слухи бегут, бегут...

Безо всякого предупреждения заявляется якутяночка с мужем, молится-просится в стационар к Таисии Викторовне. Сам подпевает – была она у своего мужика в нахвале – и не

гулёна, и сынков шесть, и оленеводи́ха первая... Одно слово, славная норовом. Да вот горе-запята, хворь смяла. Возьмитесь, доктор! Спасите!

Если б всё решала Таисия Викторовна!

Грицианов, главный врач, ни в какие силы:

– Нет, не примем. В такой стадии не примем. Уж всё до крайней крайности запущено.

Муж-хитрован и кинь последний козырь.

Мне, говорит, дурь молотить некогда... Я уведал... Вам нужен дворник в диспансере? Главный аж затрясся. Нужен, ка-ак еще нужен! Всё никого не усватаем! А муж и упрись в своей линии: бери жёнку лечи, я пойду дворником, всё ближе к жене... Буду за жёнкой до победы ухаживать, буду и дворничать.

Тут главный и пал, одним моментом принял обоих.

Якутяночка была пятая, кого подпёрла борцом Таисия Викторовна, и вот все пятеро живут уже по три года. Последней эту заветную черту сегодня перешла якутяночка.

Таисия Викторовна ликующе выглянула из-под мужниной руки, как из нерушимого убежища,хватила частушку:

*– Серебриста в поле липка,
Серебрист на липке лист.
Мил высоко носик носит —
Опусти немного вниз!*

– А тебе, малышка, не кажется, что кто-то преувеличи-

вает? – иронично глядя сверху вниз, весело спросил Николай Александрович, из-за спины вынося и подавая в поклоне жене букет из пяти роз. – Я всегда помнил... Я ждал этого дня... Я верил... С успехом тебя! Пять жизней – пять роз!

– Пять жизней – пять роз... – мечтательно повторила Таисия Викторовна. – Хорошо сказал. Спасибо. Жизнь – цветок... И во власти человека, увянуть цветку или расцвести... Как-то недавно Катя явилась в диспансер на проверку. В регистратуре долго искали её карточку, наконец нашли в ячейке, где стояли карточки умерших. Представляешь! Ее уже считали давно покойницей, выписывали-то совсем в плохом состоянии...

Вспомнилось им и то, как напрасно хлопотала Катя насчёт заменной жены своему Игнатику. Не припало Игнатику вдруголя жениться. И Катя рада, и Игнатик не горем повит. Вовсе не бил Игнатик клинья под вторую женитьбу. Как ни завороти клеветная судьба, не женился б всё равно. А что подмену приводил, так то одна видимость. Для Кати и старался, водил, чтоб её успокоить. Укляничил у себя в цехе приятеля, и тот дал своей молоденькой жене-девчонишке поручение: набегай вечерами, стряпай-бегай по дому. И только. Безо всяких там кренделей. Да какие ещё могли выскочить кренделя, когда цвела уже замужем за любимым?

– Умница! Великая ты у меня умница! – сказал Николай Александрович. – Да вот думка давит... Живи твой татко, пришлось бы ему ай и краснеть. Ну, как он мог назвать тебя

Тайгой?

– Точно так же, как твой назвал тебя Николаем.

Герой японской кампании, её будущий отец вернулся с войны к бедняку отцу в глухое местечко под Каменец-Подольском. Оженился, а земли носовым платком закроешь. И поехал отец переселением вместе с женой да с двумя своими младшими братьями в Нарымский край. В Нарым людей слали в ссылку, а эти своей охотой шатнулись за вольной землёй.

В Нарыме земля немереная. Разве что ведьма её одна мерила, да и та аршин потеряла не то в болоте, не то в тайге.

Ну, сели братья в поселочке Золотом.

Раскорчевали ложбистый лес, посеяли хлеб.

Хлеб – из тайги, живность какая – из тайги, ягодка, гриб – из тайги, дрова – из тайги, травонька какая живая – из тайги... Тайга кормила, тайга одевала, тайга согревала, тайга лечила, тайга веселила... Куда ни крутнись, всё тебе валом валит тайга. А ты-то, человек, что ей в отдачу подашь?

Отец как разумел, так и заплатил тайге.

Первенцу Тайгой назвал.

В метрику так и бухнули. Тайга! Тайга Викторовна!

Весь Золотой рты распахнул. Ну хохол! Ну вовсе тайга тайгой!¹⁹ И большатка²⁰ у тебя Тайга. Как же дочке с эким срамным да увечным именем в народе жить?

¹⁹ Тайга тайгой – недалёкий, глупый человек.

²⁰ Большатка – старшая дочь.

Отца подпекали, подкусывали и те, и те, а он в дыбки: «Твоё мытьё на моё бельё – и не надь!» Мол, не мешайся в чужую кучку.

Была маленькая, звали Таёжкой. Всем нравилось.

Вошла дочка в года, могла сменить имя, да не стала. Самой легло к сердцу лучше лучшего. А в миру навеличивали её чаще Таисией, вроде привычной так, уважительней. Она и на Таисию с охоткой откликается, негордая...

Уже дома, на скрипких ступеньках, когда поднимались к себе на второй этажишко, Николай Александрович полушутя спросил:

– Таёжка! Ну когда у тебя торжественный выход из подполья?

– Как и намечала... Завтра в девять ноль-ноль. Поклялась родом и плодом, дала зарок, если эта пятёрка осилит три года, ко всем чертям бросаю лечить в секрете, берусь открыто в диспансере. Почему от пирога народного опыта могут отщипнуть и то украдкой лишь редкие счастливицы, а не все больные? Пирог-то черствеет, зря пропадает.

– Ты у меня бабинька-ух, масштабно загребаешь! – вскинул палец Николай Александрович.

– Иначе, ёлкин дед, зачем я?

– Думаешь, главный возрадуется твоему выходу?

– Думаю, будет приятно удивлён, налегке шокирован, но не запретит. Всё-таки у меня ни одного компромата. Всё хо-

рошо, хорошо, хорошо. Без борца мне б так до дуру не хорошило. Я у него вроде восходящая звёздочка, всё повышает, всё повышает... Ординатор-гинеколог, консультант-терапевт, завотделением, зав организационно-методическим отделом. Это тебе не баран чихал! Как отбрыкивалась, как просила: ну двиньте на отдел Желтоглазову, вместе учились, знания одинаковые. Может, страшные завидки перестанут её ломать, может, бросит злиться, как хорёк. Лыбится наш Золотой Скальпель: «Не могу-с Желтоглазову. Они хоть и академическая племянница, в просторечии племянница самого Кребса, но, извините, основательно глупы-с, основательно тупы-с...» Что главный, наш Золотой Скальпель... Я, Кокка, в саму в свет Москву скакану, в минздраве доложу. Это будет тесно на планете!

Николай Александрович с укором, рассеянно окинул жену, угадывая, что это она, и не угадывая.

– Ух ты и воспарила... Говори да оглядывайся... Не лишку ли замахиваешься? Так тебя министр и принял! А лететь в Москву... Поздороваться с министерским вахтёром... навар невелик. Ну, в лучшем случае выпоешь ему, он-то со скуки послушает. Одначе... Не с докладом... Как бы... Ну да чего названивать? Как бы какой ушлый, проворливый активник не уморчил, не сцопал твой методишко. С заявкой на авторство надо ехать! Вот... Это серьёзно... В тяжёлую телегу, крошунька, ты впряглась... Да, время наше... не ахти... Пора захоронения идей... Если твоя затея с борцом в кон... на

конце концов лопнет мыльным пузырьём, тебе будет проще, легко отделаешься. Но если завяжется толк, завистники, кусливые завистники ещё покатают тебя в грязи! Ух ка-ак пока-та-ют! Чует моё бедное сердце рентгенолога... Видит...

6

Главный врач диспансера хирург Грицианов по прозвищу Золотой Скальпель – он слышал, что за границей отличным хирургам дарят золотые скальпели, он до смерти хотел иметь такой скальпель, это знали все в диспансере, – Грицианов воспринял путаную, с девятого на десятое, исповедь Таисии Викторовны до неправдоподобия, до бестолковости радостно.

– Таисия!.. Викторовна!!.. Голубушка!!!.. Что ж вы раньше молчали?

– Ну... раньше... Это было раньше...

– Ай жа скромница! Ай жа мы! А ведь, – Грицианов церемонно поднёс руку к мохнатой груди – ворот серой рубашки был расстёгнут, из-под неё круто, дико курчавилась смоль волос, черно забрызгивая и края рубашки под горлом, – а ведь я чувствовал. Чувствовал! Только ума не дам... Гляжу, что-то у других народушко снопами валится, а ваши как ваньки-встаньки вскакивают да домой, да сшелушивают с себя проклятушую инвалидность... Думаете, за синие за глазки я вас поднимал по табели о рангах? Ей-ей, чувствую, кто-то в вас засел и сидит. Бес не бес, но силён. На поверку я не ошибся. Борец в вас засел. Сам борец в помощнички пристегнулся! Сам Самыч! Борец! – Грицианов дурашливо хохотнул. – Без клоуна! Фильм такой был. «Борец и клоун»...

В каком-то безотчётном угаре Грицианов сыпал слова, блаженно тянул широко раскрытые ручки с угрюмыми чёрными щётками волос на пальцах, будто готовясь что-то взять, что подавали ему, тянул вперёд по краям стола, по ту сторону которого бочком сидела Таисия Викторовна, и чем дальше пускал он руки, тем всё ошутимей слышал желанное тепло невидимого божественного костра.

Лет десять назад Грицианов защитил кандидатскую.

Звание кандидата его не грело, с ним ему было как-то неуютно, холодно, и он полубрезгливо, полужалеюще под случай дразнил себя кандидатом в человеки. Выскочить в человеки значило отстоять докторскую.

Аредовы веки бился он над докторской, аки лев, бился «львояростно», что, однако не мешало ему с постоянным успехом взбулгачивать в надсадной пляске лишь старую, усталую пыль. Докторская не вытанцовывалась, по-прежнему была пустенькая, тощенькая, дохленькая. Одно слово, *беззащитная*.

Тут только и вздохнёшь: хоть и погано баба танцюе, зато довго.

И вот теперь, когда он собственными ушами слышит, что во вверенной ему Богом заведении творится этакейская чудасия, он хмелеет от восторга.

«Наша Дунька не брезгунька, чужой мёд так ложкой жрёт! – со злым умилением думает он о себе и, уже твёрдо не слыша Таисию Викторовну, уходит весь в раскладку,

как это он навалится чужой мёд убирать. – Ну-с, раскинем щупальца. Кто есмь я? – В ответ он подобрался в кресле, осанисто развёл, растоперил плечи. – А кто такая, извините, Закавырцева? – Скользящая усмешка лениво помялась у него на лице и пропала. – Невелика крендедюлина... Уж точно, не какая там Жозефинка,²¹ а всё про всё диковатая Тайга. Приплясывать, ломать колени, увы, не перед кем. Рядовая... врач-практик... Так... лёгенькая закавычечка, на гладком месте шишулечка... конопушечка, букашечка, пчёлучка... Правда, плодовитенькая. Что выдаёт – экстра. Этого не отнимешь. А мы, упаси Бог, и не отнимаем. Всё вокруг общее, всё *наше!* Дружно заклеим позором звериное слово *моё*. Дружно воспоём прекрасное *наше*. Всё – наше! Мудрая природа разве зря толкует: не на себя пчёлка медок растит, не на себя работает? Не возражаю, пускай работает. А мы своё по праву возьмём. Из чужого... брр!.. из нашего костерка выхвачу горящее полешко... другое... пятое, десятое... Выворочу поувалистей, разведу свой персональный костерок. Неправда, согрею зазябшие руки... Сабо самой... Отогреется, глядишь, наша докторская и стронется, великомученица, с мёрзлой точки... Ну, Грицианов, не спи, а то умёрзнешь!» – млея, приказал себе Грицианов и преданно-ликующе уставился прямо в зрачки Таисии Викторовне.

Таисия Викторовна сконфузилась, потупилась.

– Вот вы, – глухо забормотала, – спрашиваете, почему

²¹ Жозефина Богарне – жена Наполеона.

раньше не говорила. А как говорить? Раньше не было пятёрки, прожившей три года, не было многих других, кого поставила на ноги борцом... Вот теперь... Вы видите, дело стоящее. Это вам не баран чихал! Надо продолжать работу с борцом... – На миг она запнулась и бухнула, как в лужу, первое, что упало на язык: – Если сомнём... человечество нам не простит...

Сильно морщась, Грицианов обеими руками замахал на Таисию Викторовну:

– Ой-ой-ой! Кислый вы агитатор... Так и передайте вашему человечеству, нечего ему, дорогому, беспокоиться. Да пусть знает, что в эту в историческую минуту... – Грицианов сановито выпрямился в мягком кресле, вмельк глянул на часы на стене, – пусть знает ваше глубокоуважаемое человечество, что в девять часов двадцать минут сего дня и сего года в моем лице ваш могучий борец получил преданнейшего друга! Что друга... Слугу! Пока я горячий, требуйте, сабо самой, что хотите! – на патетической ноте, облитой фальшью, закончил Грицианов и с чувством высоко исполненного долга рассвобождённо откинулся на спинку красного кресла.

Таисия Викторовна как-то с недоверием, оробело покосилась на главного. Неужели всё это правда? А если это розыгрыш? А если он мне глаза туманит?

Грицианов в нетерпении отдёрнулся от алости мягкой спинки. Её молчание ущипнуло его чуткое самолюбие.

– Что же вы ни слова? – отчески гневливо бросил он. –

Не верите? Так я повторю... Пока я горячий, требуйте, что хотите! – И заторопил: – Ну требуйте! Требуйте! Пожалуйста! Ради нашего борца последнюю рубаху с плеча!

Грицианов взялся за манжету.

Таисия Викторовна в спехе выкинула перед собой в защите ладонку:

– Нет! Нет!

Грицианов и не отдавал рубаху. Он просто поправил у себя манжету, поудобней сел в кресле и только. Смутно подумал, на миг зацепившись вороватым глазом за молодые её вкусные плечи: «Своя рубашка ближе к телу, а без рубашки ближе к делу... Мхмм...»

– Без паники! – сказал он. – Рубаха мне и самому нужна. Просите, пока...

– Не остывайте век по веки... Никогда не остывайте к борцу... – жалко выдавила она.

– Вечное кипение я вам, сабо самой, гарантирую, – постно сронил Грицианов. – Что ещё?

Таисия Викторовна ужалась спиной в жёсткий стул и пискнула. Она хотела сказать тихонько, клянчаще, как и надлежит молящему милостыньку, но голос у неё совсем съехал, из неё выпал какой-то умученный писк:

– Мне б уголочек...

– Это уже что-то по теме! – подхвалил Грицианов. – Уж кому я от души сочувствую, так это вам, – с протягом вздохнул он, деланно-неловко пряча глаза. Этой игры Таисия Вик-

торовна не заметила. Грицианов был большой притворяшка. – Кабинетец у вас не из показательных. Прямо говоря, показательная жмурня²² в миниатюре. Без меры холодная... образцовое трупохранилище... Без меры тёмное, без меры тесное. Надо и исследования проводить... Да вам целую похорошему лабораторию нужно! И приличный кабинет, и лаборатория будут! Ловите на слове. Ради человечества приношу в дар вам свой кабинетище, а сам, – он бросил глаза на верх окна, где под крышей желтело старое гнездо, – а сам в ласточкину резиденцию. Оттуда стану чирикать-предводительствовать. Не улыбайтесь... Пока весна, у птишек потомство... не выселишь... А вот брызнут птички по югам, ключ от этого кабинета будет у вас!

Какая весна, когда на дворе ещё зима? Где какие птички? Таисия Викторовна смолчала про птичий каламбур.

Неси, что угодно, лишь бы к делу правился.

Раньше прилёта птиц увеялся Грицианов на юг, в отпуск.

Ключ отдал Таисии Викторовне:

– Можете вести приём в моём кабинете.

Не чуя под собой ног от радости, она весь месяц носила его ключ с собой, но в кабинет так и не посмела войти. Да в кабинете ли счастье? Главное, на конце концов лечила она в открытку, не таясь. А большего ей и не надо.

Но всякое счастье границами мечено.

Возвращается утомлённый ласками юга, местами, кажет-

²² Жмурня – морг.

ся, слегка обугленный Грицианов, а ему ещё в его приёмной с трепетом вручают правительственную телеграмму.

КОМАНДИРУЙТЕ МОСКВУ ИНСТИТУТ
ЛЕКАРСТВЕННЫХ РАСТЕНИЙ ВРАЧА
ЗАКАВЫРЦЕВУ ВСЕМ МАТЕРИАЛАМИ ЛЕЧЕНИЯ
РАКОВЫХ БОЛЬНЫХ РАСТЕНИЯМИ = ЗАМСОЮЗ
МИНЗДРАВ КОЧЕРГИН

Вот тебе и дуда!

Вызвал Грицианов Таисию Викторовну. Открыл кабинет, пустил её первой, и ключик ткнул себе в карман.

И всё это молча, сопком.

Таисия Викторовна шуткой-пробауткой и напомни:

– Ласточки вроде ещё не прилетели.

– Главная ласточка, извините, прилетела, – мрачно показал на себя Грицианов. – И там ей, – потыкал в верх окна, в летошнее гнездо, – очень тесно.

Таисия Викторовна не поймала, шутил он или не шутил.

Под конец какого-то кислого и пустого послеотпускного разговора он чуже пошатал головой:

– Я вот, мягко говоря, удивляюсь вам... В мой отпуск вы, правда, в отгульные дни, ошастливили Москву своим визитом. Сколько пели мне про всякие достопримечательности, которые вы удостоили своим высоким вниманием и любезно посетили. Но что же вы и не заикнулись, что летали в минздрав?

Таисия Викторовна дрогнула.

– А разве что-нибудь есть?

– Вам ничего нет и, сабо самой, не ожидается. Идите.

Грицианов чувствовал себя околпаченным. Провести стреляного воробья на соломе! Ухватистая ж пташка! Тут глазки не смеет поднять, еле чиликает этакой невинной канареечкой, через стол не совсем разберёшь, а её чиликанье слышно в Москве!

Про телеграмму он умолчал. Сделал вид, что никакой телеграммы не было. Однако это вовсе не означало, что её действительно не было.

«Она не сказала мне, что самоволом была в министерстве, я не сказал про телеграмму. Следовательно, мы квиты», – подвёл он черту и забыл думать о какой-то там телеграмме.

А через неделю уже ей домой пришла телеграмма.

ОБЛАСТНОМУ ОНКОЛОГИЧЕСКОМУ
ДИСПАНСЕРУ МИНЗДРАВом СОЮЗА ДАНО
УКАЗАНИЕ КОМАНДИРОВАТЬ ВАС МОСКВУ
ИНСТИТУТ ЛЕКАРСТВЕННЫХ РАСТЕНИЙ
СООБЩИТЕ ЛЕНИНО ДАЧНОЕ МОСКОВСКИЙ
ИНСТИТУТ ЛЕКАРСТВЕННЫХ РАСТЕНИЙ ВРЕМЯ
ПРИЕЗДА

=ДИРЕКТОР ИЦКОВ

Растерянная, раздавленная неизвестностью она молча отдала Грицианову свою телеграмму. Он наискоску пробежал её безразличным взглядом, кинул на стол вниз лицом.

– Гм... Видали, сообщите им время прибытия английской

королевы!

Таисия Викторовна механически подтвердила:

– Да, да... Время...

– Так вот и сообщите: ни-ког-да!

– По... почему?... Меня ж не на блины...

– Не знаю.

Таисия Викторовна опало выдохнула:

– Бы-ыстро вы откипели... Что случилось?

– Это вы спросите себя. И вообще, кто старое помянет, –

Грицианов силой заставил себя состроить улыбку, – тому кое да что долой!

– Согласна. И всё же почему вы отпихиваетесь от борца?

Грицианов отяготительно подпёр щёку рукой, с горькой иронией молча закивал:

«А потому, что дарило уплыло, осталось одно купило, как говаривала одна бабуся. Борец уплыл, остался один клоун... покорный ваш слу-га-с... Разбежался хренов бабай подпереть свою докторскую борцом, а ты на весь свет и раззвони про борец. Даже в самой в Москве уже знают! На кой же чёрт мне теперь „дружиться“ с тобой да целовать пуп тебе? От тебя, канареюшка, теперь и крошку не умкнуть... Всем же известно, кто подлинный автор, а кто примкнувший болванище... В таком разе я и вообще нахлопну твои борцовские штуkenции! Вот только дай разойтись туману, вот только дай послушать, что ещё сыграет на флейточке нам свет наша белокаменная...»

Через облздрав достучалась Таисия Викторовна, пустили её в Москву.

Прилетает в министерство, а ученый совет, куда звали, уже прошёл, отшумел. Без неё совет рассмотрел её заявку, разрешил клиническое испытание борца.

Врасполох узнала про всё про это Таисия Викторовна в приемной министра и на радостях пустила росу, а там и во-все разлилась навзрём.

Её успокоили.

Говорят, поберегите слёзы, они вам ой как ещё понадобятся, а сейчас к делу. Готовьте настойку, пишите инструкцию, как ею пользоваться.

Таисия Викторовна приоткрыла на ладошку дверь, увидела, что Грицианов не один, а с Желтоглазовой, дёрнула к себе ручку.

– Не-ет! – крикнул Грицианов. – Вы уж окажите, пожалуйста, милость. Войдите уж, пожалуйста! Тараньте нам поскорей московские новости.

Делать нечего, он видел, надо идти.

Как-то боком, опасливо Таисия Викторовна пошла к Грицианову за столом.

– Вот... – с облегчением проговорила, подавая вспотев-

шими руками министерскую папку.

Грицианов настороже раскрыл её, вонзил глаза в первый же лист.

– Ба-ба-ба! – холодея от ужаса, пробубнил он, подсаживая очки на лоб.

Очкам не хотелось лезть на лоб. Они то и дело валились на мягкий, мясистый нос. Раза три Грицианов подсадил их снова, пока они наконец-то не присмирели на лбу.

Грицианов подал папку Желтоглазовой, сидела рядом, и та, меняясь в лице и в страхе выбуриив шарёнки, потянулась к папке безо всякой охоты, не дотянулась, на полпути задержала свои руки, а дальше подать ей папку у главного не было ни сил, ни видимых желаний. Так они и глядели в недоумении друг на друга со встречно выставленными руками.

– Да возьмите же! – шёпотом прикрикнул Грицианов, и Желтоглазова, точно прищипоренная лошадь, вздрогнула, инстинктивно дёрнула к себе папку, видимо боясь того, что было в ней. – Читайте!

Желтоглазова тупо пялилась то в верх лощёного листа, то на Грицианова, трудно хлопала жёлтыми глазами, а ни слова не могла произнести, хотя и порывалась.

Грицианов выжидательно поставил локти по край стола, срезанно уронил подбородок на сцепленные пальцы.

Закавырцева держалась за спинку свободного стула, всё не решалась сесть.

Он пригнул мизинец. Садись!

Повинуясь, та бесшумно села.

«Ты привезла, – думал он, – смертный приговор моей докторской. Теперь ты мне нужна, сабо самой, как медведю летом пимы. Больше мне с тобой дипломатию не размазывать... Не спи, Грицианов, а то умёрзнешь! Война! Война! Открытая!.. Третья мировая война!»

Он покосился на Желтоглазову – всё не решалась начать читать.

– Вы что? Читать не можете?

– М-могу... я м-могу... – И быстро перенесла взгляд на лист. – *«Утверждена фармакологическим комитетом ученого совета Минздрава СССР 12 февраля 1955 года... Инструкция номер 194 по клиническому испытанию настойки борца, приготовленной по госфармакопее, для лечения раковых больных...»*

Она спрашивающе посмотрела на него. Он пошевелил мизинцем. Довольно!

Она опустила папку на стол.

– К счастью, – сожалительно сказал Грицианов Таисии Викторовне, – вы нас не огорчили и не обрадовали. А только, сабо самой, озадачили.

– То есть? – тихо спросила Таисия Викторовна.

Грицианов что-то сказал, но Таисия Викторовна не услышала его. И вовсе не потому, что у него вдруг голос пропал, а потому, когда он, отвечая, не без злого поджигающего укора глянул на Желтоглазову, и та, поняв его злой взгляд как ко-

манду к нападению, заблажила по-бабьи визгливо, сорванно, так что забила и грициановский голос:

– Почему вы работали за спиной учёных?... Почему с нами не делились?... А теперь мы на вас гни горбушку? Н-не ж-жалаем!!!

– Простите, это вы-то учёные? – мягко, выдержанно уточнила Таисия Викторовна у академической племянницы Кребса.

Кребс пока профессор.

Но будет же он когда-нибудь академиком, и его любимой племяннице загодя, авансом щедрая молва прилепила титул академической.

– Есть учёные и повыше! – Желтоглазова обеими руками повела в сторону Грицианова и, брезгливо ударяя ладонью о ладонь, как бы стряхивая с них пыль разговора, недостойного её, демонстративно вышла.

– Это, – Грицианов посмотрел на закрывшуюся дверь, – был голос, так сказать, народа, рядовых врачей. А вот голос руководства...

Грицианов подвигался в кресле, угнёздываясь поудобней, попрочней, и, выдержав паузу, похолодел лицом.

– Тайга Викторовна...

Таисия Викторовна напряглась.

Когда Грицианов хотел выпятить крайнюю степень недоброжелательства, всегда называл её по паспорту. Тайга Викторовна. С одной стороны, вроде строже, официальной, а с

другой уязвимей. Мол, что с тобой талы-балы городить, раз ты тайга тайгой!

– Уважаемая Тайга Викторовна! – не глядя на Закавырцеву, сухо забунтил Грицианов, зажёвывая концы слов. – Я главный врач и, следовательно, отвечаю за проводимые в диспансере лечения... Я считаю данные эксперименты в условиях нашего диспансера неприемлемыми.

– Сердце не терпит... странно... – поникло возразила Таисия Викторовна. – Пока... От таких новостей и язык потеряешь... Пока о моём препарате знали лишь вы да я, вы разрешали его применять. А сейчас, когда препарат одобрен министерством, когда само министерство официально рекомендует испытать его у нас в диспансере непосредственно под моим наблюдением, вы вдруг зарачились напопятки?

– Ну... Что было вчера, – Грицианов мягко прихлопнул обеими руками по столу, – то было вчера. А сегодня – это уже сегодня. Каждый заблуждается, и каждый по-своему...

Грицианов замолчал. Он не знал, что ещё сказать.

Молчала и Таисия Викторовна.

Молчание явно затягивалось.

«Грицианов, не спи, а то умёрзнешь!» – подстегнул он себя, и это придало ему духу, у него разыгрались глаза, и он уже твёрже, напористой поломил вслух:

– Вот сейчас я узнал, что ваши, казалось, невинные капельки выходят на вседержавную арену. Каюсь, я испугался. У меня, как говорил один дворник, ум назад пошёл... Ну...

Дать эти капельки одному, двум, трём безнадёгам... Но когда дело ставится на государственный поток... извините, я на себя такого риска не беру. Я не хочу никаких экспериментов! Я врач, я лечу. Я хочу иметь уже готовые, проверенные препараты. Вы проверьте и дайте, я буду спокойно лечить. А экспериментировать в широких масштабах на людях... это знаете... Вы что же, думаете, у нас люди дешевле мышей? На мышах не испытывали – сразу давай на людях! Это не пережлёт? А потом... Мне, да и всему диспансеру неизвестно, какие именно больные фигурируют в представленных вами *туда*, в министерство, – он ткнул пальцем вверх, – материалах. Не знаю, был ли у них действительно рак, проводилось ли предварительное лечение лучами радия и рентгена, была ли надобность в применении ваших геркулесовых капель и тэдэ и тэпэ. Ведь всё это делалось вами лично без какого-либо контроля?

– А я, врач, что, не контроль? Или вы мне не доверяли? И – повышали? А десятки мною излечённых, кого вы лично смотрели потом? Вы что, себе уже не доверяете?

Грицианов скорбно сморщился.

– Ну, сабо самой, это не разговор... Что за базар? Доверяли, не доверяли... Одним словом, всё это заставляет меня возражать против испытания *ва-ше-го* препарата в условиях *на-ше-го* диспансера. Тем более, мы не научно-исследовательское учреждение. Мы не сможем объективно дать правильную оценку *ва-ше-му* методу.

8

Как на ватных, на неверных ногах, Таисия Викторовна вышатнулась из диспансера и машинально, без мысли во взгляде побрела по улице.

Пожилой чинный мужчина в тройке, при бабочке, ждавший её у выхода, насторожённо хмурится. Да куда это дурёчку покатило? Или у неё семь гривен до рубля не хватает?²³ Пройти мимо и не заметить!

Короткотелый, точно обрубыш, непомерно тучный, с игрушечно-крохотной головкой с кулачок, невесть как прилепленной к экой раскормленной, оплывшей квадратно-гнездовой туше, с невероятно долгими, толстыми руками, напоминающими рачьи клешни, – да и весь он, рачеглазый, походил на жирного рака в строгом чёрном костюме-тройке, – с минуту ещё в маете ждал, полагая, что она опомнится, догадается, что жмёт вовсе не в ту сторону и повернёт назад, к нему, но она уходила всё дальше, теряясь в тугой весёлой апрельской толпе.

Он всплыл на цыпочки – её уже совсем не видеть!

Он оторопело поморгал белёсыми ресницами и ринулся следом с той отчаянной прытью, с какой кидается зазевавшаяся старая гончая за просквозившей добычей.

²³ Семь гривен до рубля не хватает – психически ненормальный.

– Тай Викторна!.. Тай Викторна!.. – аврально вопил он, тяжело пробиваясь сквозь людскую литую тесноту.

Суматошные крики догнали её.

Она очнулась, остановилась.

– Тайна Викторовна!.. Соболинка!.. Здравствуйте!.. – подлетая, бормотал он, задыхаясь с бега, тараща и без того сидевшие навылупке глаза и кланяясь.

Таисия Викторовна рассеянно улыбнулась.

– А-а, Борислав Львович... Вы...

– Я, я, Таёжка! Я!.. – захлёбывался он словами, плотно наклоняясь к её лицу, так что его могла слышать лишь она одна и крепко, будто железными тисками, беря её за локоть.

Она положила руку на его руку, до боли твёрдо державшую её за локоть, подумала столкнуть и не столкнула...

Познакомились они на первом курсе.

Ей было семнадцать, ему сорок два.

В молодости он много болел, в порядке исключения разрешили ему поступать в институт.

Сдавал Кребс вступительные вместе с Таёжкой.

Их зачислили в одну группу.

Уже в начале учёбы Борислав Львович нечаянно обнаружил, что ему улыбается случай стать мужем не только Таёжке, но и параллельно расшалившейся самой старенькой в округе *кафедральной* проказнице Люции Ивановне.

Он задумался и, кажется, горько затосковал.

Что делать?

К какому берегу кидать чалки?

Борислав Львович был серьёзный человек, обстоятельный. К тому клонили, обязывали высокие лета.

Как человек обстоятельный, осторожный, он занялся на легке бухгалтерией, севши за счёты.

Таёжка молода, соблазнительно хороша. Всё пока чики-брики. Одно очко. Но!.. Положение – ноль. Перспектива – прозябание где-нибудь в нарымской Ривьере по распределению. Минус очко. Итого имеем круглый ноль. Полный трындец! Лешак его знает, что за жизнь? Кроме вечного рака головы²⁴ что с нею наживёшь? Потрясение мозгов!

Прокрутим вариант с шалуньей Люцией Ивановной.

Люция Ивановна достопочтенна, скромно говоря, николаевская невеста, но искренне тянется в соблазнительно хорошенькие. Желание вполне похвальное, однако, увы, неисполнимое: она на двадцать пять лет старше Бориски. Знамо дело, при всём горячем желании это в плюс не впихнёшь. Минус очко.

Ах, этот минус! Сдвинуться с ума!

Борислав Львович осерчал на закон.

Ну что это за закон – нельзя взять даже две жены? На востоке вон раньше табунами огребали и ничего, сатана тебя подхвати!

Нам табун не нужен, нам и две достаточно. Мы скромны,

²⁴ Рак головы – трудности, проблемы.

мы без байских замашек. Нам бы к красоте и молодости Таёжки пристегнуть всё то, чем владеет Люция Ивановна – и мы на гребне сбывшейся мечты! Сразу б начало светать в мозгах.²⁵ Полный же шоколад!

Но – закон-жесткач!

Выбирай. Эта на двадцать пять моложе тебя, та на двадцать пять старше тебя. Кругом пендык! Как выбирать?

Борислав Львович покопался в пустоватых закоулках своей памяти, вымел кой-какую любопытную мелочишку. Вспомнил, что отец Конфуция был старше своей жены на 54 года, отец Бородина на 35, Бальзака на 32, Гончарова на 31, Генделя на 29, Лондона на 24, Гёте на 22, Ковалевской на 20...

Это выбрыки папашек гениев.

А что же сами гении?

Имре Кальман выпередил свою благоверную почти на тридцать, Достоевский на двадцать пять, Сталин на двадцать, Толстой на восемнадцать...

И кинь-верть, и верть-кинь – всё равно. Всё льётся в одной колее. И у сынов *трактовка* отцов.

Под момент вспомнилось, что «в процентном отношении больше всего выдающихся людей родилось у отцов в возрасте 37–39 лет (пик рождаемости талантов)".

Ну, заоправдывался Борислав Львович, нам талантов не рожать, поезд с нашим пиком убежал. Однако мужики – коз-

²⁵ Светать в мозгах – приходить в сознание.

лы вертоватые. Всё токуют подле свежатинки, подле батончиков. Молодых завлекалочек и так разнесут на руках по загсам, да кто ж пожалеет стареньких?... Какой-то антикварный баян?...²⁶ Безнадёга?...

«Я как Достоевский, только наоборот», – коряво подумалось.

Его подпекало вывернуть себе оправдательный пример из истории, чтоб с маху затыкать злые рты. Но, как он ни бился, ничего утешительного на ум не набегало, выгреб лишь один пустячок. Отец Ивана Тургенева был моложе своей жены на пяток годков. Не густо-с...

«Зато я сигану на все двадцать пять! Первый и последний в мире. Только запишут ли в историю мой подвиг?»

Цена подвига его согревала.

Он знал, что большие года не единственный и не самый крупный бриллиант башливитой Люции Ивановны.

Смотри да считай!

Варяжистая Люция Ивановна – кафедральная старушечка. Заведует кафедрой акушерства и гинекологии. Ни больше ни меньше. Его Величество госпожа Кафедра! Плю-юс очко.

Профи, то есть профессор. Опя-ять очко.

Как ни странно, Люция Ивановна, извините, невинна. Говорят, ещё в начале века она вроде окончила и институт благородных неваляшек. Гордая неваляшка! По слухам, всё со

²⁶ Антикварный баян – полная бессмыслица.

звёздочкой²⁷ – не с октябрятской! – скачет. До шестидесяти семи донести невинность и не расплескать – это вам не засушенный фиговый листок сохранить меж книжных страничек. Хоть с натяжкой, но это то-оже плюсишко.

Дальше. Бежим дальше.

Кончает Боба институт, остаётся, примирает при кафедре. Плюс.

Люция Ивановна по ускоренной схеме лепит из Бобы учёного льва – в две тяги ватлают кандидатскую (участие Бобы чисто символическое), и Люция Ивановна защищает её от провала. Плюс.

Потом защищают докторскую. Плюс.

Боба тоже уже профи, то есть профессор. Плюс.

Боба берёт в свои белы ручки кафедру, а Люция Ивановна гарантирует её передачу именно ему, поскольку *туда* просто не принято брать. Плюс.

Потом Люция Ивановна вообще удаляется. Сделала дело, умирай смело!

Alles oder Nichts! Всё или ничего!

Говорят, в горячности разум теряешь. Но это, пожалуй, не про Бобу. По его сведениям, он ничего не потерял.

И Таёжку, и Люцию Ивановну он высоко оценил, ту и другую назвал кучками золота. Недолго – век-то жить не в поле ехать – он горевал, сидя между этими кучками. Сказал себе: из двух кучек золота выбирай ббольшую и, не колеблясь, вы-

²⁷ Звёздочка – девственная плева.

брал Люцию Ивановну со всеми её обременительными при-
чандалами: с её заплесневелой, престарелой невинностью, с
её профессссссорством, с дорогой кафедрой и пр. и пр. Брать
так брать всё в комплексе. Как комплексный ужин. И он му-
жественно взял госпожу Кафедру.

Лихая бухгалтерия!

А вместе с тем и точная.

Всё так и повернулось, как Борислав Львович напланировал.

Он давно профессор. Кафедра давно его. Люции Иванов-
ны давно уже нет и в помине. Сделав дело, как-то не стала
долго без толку толочься. Позвенел сладкий звоночек. При-
рода позвала к покою, ко сну, и Люция Ивановна, как-то
смирно, стандартно поохав, угомонилась. В общем порядке
подала заявление на два метра и ей великодушно не отказа-
ли.

Таисия Викторовна всё же содрала его цепкую руку с лок-
тя.

Кребсу это не понравилось, и он, перебарывая себя, натя-
нуто хохотнул:

– Так вы домой?

– А куда ж ещё вечером?

«Ух и пуржит жизнь! Ух и пуржи-ит! – веселея, подумал
он. – Видать, этот савраска без узды, Грицианишка, чувстви-
тельно тебя потряхнул, если, возвращаясь домой, скачешь ты,

дорогая наша бухенвальдская крепышка,²⁸ в противоположную от дома сторону!»

А вслух проворковал, мягко, по-рысьи ступая рядом и влюбовинку оглаживая рукав её отёрханного, ветхого пальтишка:

– Позвольте вас, русяточка, уведомить. Пока вы удаляетесь от дома.

Таисия Викторовна стала, неверяще огляделась.

«И правда... Вот глупёха! Совсем памороки забило...»

Её полоснуло, что совсем чужой человек оказался невольным свидетелем её беды.

– А вам-то что нужно от меня? – пыхнула она. – В провожальщиках я не нуждаюсь. Откуда вы взялись?

С ласковым укором – детям прощаются капризы! – Борислав Львович погрозил пальчиком:

– Не позволяйте себе так грубить заслуженному работнику органов.²⁹ Не спешите меня изничтожать. Я вам их как нужен!

– Вы – мне?

– Я – вам. Потерпите, чудо увидите!.. Я был у себя дома, – широко, наотмашку вскинул он руку, показывая на закиданное облаками тёмное небо. – Вдруг входит ко мне в келью сам Господь Бог и велит: раб мой, доброму человеку худо на земле, спустись помоги. Вот я и возле вас...

²⁸ Бухенвальдская крепышка – об очень худой женщине.

²⁹ Работник органов – врач-гинеколог.

Таисия Викторовна брезгливо покосилась.

– Театральничать в ваши годы – тошнотно видеть. У меня сегодня гадчайший день. Хоть глаза завяжи да в омут бежи... Я потеряла всё... – надломленно пожаловалась она.

– Сегодня у вас самый счастливый день! Сегодня вы приобрели всё! – властно возразил он, целуя её в руку. – Как вы говорите, это не баран чихал! Рано вам ещё бросаться с баллона!³⁰

Она удивилась, почему дала ему поцеловать, почему не выдернула руку. Она пристыла в напряжении, отчего-то ожидая, что скажет ещё он. Она почему-то поверила тому, как он всё это сказал.

– Сверху прекрасно видать всю смехотворную мышкину возню. Вы ещё не вышли из грициановского гнезда, а я уже дежурил у выхода. Не надо мне ничего рассказывать, я знаю всё, о чём вы там говорили, чем всё кончилось. А теперь скажу я. Единственный человек, который потерял... действительно потерял сегодня всё, – это сам Грицианов. Да! Да! Не удивляйтесь. Вам одной круто. Одной рукой и узла не завяжешь... Как вы думаете, зачем я здесь? Неужто станет орёл мух ловить?

Таисия Викторовна пожала плечом и медленно взяла назад, к дому.

Слегка наклонившись вперёд, Борислав Львович посыпал шажки рядом, ставя ноги шире обычного, надёжно, будто

³⁰ Бросаться с баллона – умирать.

шёл по кораблю в штормовом море.

– Не смотрите, милочек, что я вьюноша далеко не первого разлива... У старого козла крепче рога. Я ваша вторая рука... Я человек простой...

Таисия Викторовна вежливо кивнула и насмешливо подумала:

«Простой как три копейки одной бумажкой...»

Она знала, не тот Кребс человек, кто с пуста шатнётся в драку. Этот аршин с шапкой не кинется с пуста ломать рога.

– И каковы в таком случае ваши условия? – прямо спросила.

Кребс не ожидал такого вопроса в лоб и с мелким, неохотным смешком ответил уклончиво:

– Не паникуйте за свою долю. В любом случае половина яйца лучше, чем целая, да пустая скорлупа.

Она тоже перешла на ироничный тон.

– Спасибо и за половинку... Не обошли... Но не рано ли делить яйцо, которое ещё не снесено?

– Вот! Вот! – подхватил он. – Курочка в гнезде, яичко кой-где, а мы бегаем вокруг курочки с раскалённой сковородкой... Милуша, умерьте ваш пыл. Если думаете, что изобрели ах штучку, то... Ходит меж учёными одна кислая байка. Некто изобрёл нечто и требует: признавайте. Ему говорят, прежде чем требовать признания потрудитесь хоть про-

листнуть всю английскую энциклопедию за последние этик лет двести, нет ли уже там вашего изобретения. Посмотрел, не нашёл. Говорят, ну полистайте теперь всю французскую. Нет и во французской. Настаивают, берите немецкую. Взял. Нету. Ему и отвечают: если нигде, ни в одной энциклопедии нету вашего изобретения, то кому такое оно и нужно?

Усталая улыбка безучастно потрогала её лицо.

– А вы... А вы всё такой же, неисправимый болтунок.

– Увы. Только гробовая доска исправит.

– Похоже. Никакие вас годы не мнут.

– Слабó им! – торжественно приосанился Кребс. – Не кисляйка какой, чтоб поддаваться годам. Я сам их ломаю... Кого хотите сломаю, но горя к вам не подпущу! – с неожиданной серьёзностью намахнул он.

– Это что-то новое...

– И я попробую открыть вам на него глаза, мамочка, – вкрадчиво сказал Кребс, цепко беря её за локоть.

Она не сняла его руку с локтя. Напротив. Пошла тише, ладясь под его короткий шаг, напуская на себя беззаботность:

– Сделайте уж милость, откройте, пока странное любопытство подогревает меня.

– Знаете, что в городе о вашей доброте ходят легенды?

– Даже так? Это очень плохо?

– Очень! Почему вы бесплатно раздаёте свои чудодеи капельки, как навеличивают вашу настойку? Откуда такая бессребреница? О натюрель!.. Я преотлично знаю ваше генеа-

логическое древо и что-то не выудил из анналов старины, что оно от рокфеллеровского корешка! Разве вы берёте корень у барыг за спасибо? Разве спирт на настойку вам тоже дуриком достаётся? Так чего ж вы своё отдаете за так?

– Я отдаю больным.

– А разве аптека продает лекарства только здоровым?

– Так то аптека. У меня и мысли не было брать деньги.

– Ах, какие мы добренькие! Ах, какие мы хорошенькие!

Да похвалите, пожалуйста, нас поскорей! Может, кто-то и хвалит, да есть и – хохочут! Вы стесняетесь взять с человека своё заработанное честно, а он, умняра, не стесняется доить вашу доброту. Раз по разу берёт и берёт у вас пузырёчки. Ему уже и не надо, а у него руки зудятся, горят нашаромыжку потянуть с ротозинихи, коль можно, и, не в силах удержать себя, берёт дальше, берёт на всякий аховый случай. И такой случай наворачивается. У вас кончилось. Вы с извинениями говорите больному, что пока нет настойки. Он в печали уходит от вас, а на углу его... в конце вашего же тупичка... у вас же в вашем Карповском переулке, перехватывает шельмоватый этот запасливый хомяк, про запас нахапавший внахалку выше глаз, и предлагает ваши же капли за бешеные капиталы! И тот по-ку-па-ет. А куда деваться?

– Ну, чего сплетни сплетать?

– Это правда, но не главная правда. Главная правда в том, что там, – Кребс яростно потыкал оттопыренным большим пальцем за плечо, назад, где был диспансер, – вас уронили,

а здесь, – величаво повёл рукой вокруг, – а здесь, на тёмной этой улице вас подняли! Да не без моей помощи. Помните, ребёнок растёт, падая и вставая... па-дая и вста-вая, па-дая и вста-вая... В эту минуту вы получаете в моей институтской клинике десять коек... Испытайте на здоровье свой борец!

– Что вы сказали? Повторите... – остановив дыхание, одними губами прошептала Таисия Викторовна.

Кребс подумал: «Разве краб проживёт без клешней?», а вслух сказал:

– Ничего особенного... Жалко, почему вы раньше мне ни гугушки про своего борчика? Без митинга я б отстегнул вам места, оградил бы от десятого вала грициановского кланчика... Ну-с, с этой минуты, милочек, у вас, повторяю, десять коек в моей клинике. Работайте на здоровье. И вот вам на верную помощь моя рука.

Он барски подал ей руку.

Она в растерянности взяла её обеими своими руками, прижалась к ней щекой и заплакала, наклоняясь перед ним всё ниже, ниже.

Кребс всполошился.

– Таёжик! Что вы делаете? Не плачьте... Поднимите лицо... Прохожие что подумают? Втихую избиваю и плакать не велю...

Она не слышала его и плакала-благодарила.

Чем прекратить эти слёзы? Чем её поднять?

– Даю при условии, что вы запишете меня к себе консультантом, – запоздало напомнил он.

Не отрывая лица от уютного тепла его ладони, она подтвердительно качнула головой. Согласна!

– И сразу первый вам совет. Тяжёлых больных не брать!

Таисия Викторовна перестала плакать. Подняла голову.

– Почему? – спросила отчуждённо. – Поступит человек с четвёртой стадией и что, показывай на дверь?

– Показывай! – жёстко рубнул Кребс. – Видите... Везут человека по татарской дороге,³¹ везут, разумеется, на кладбище, на этот «склад готовой продукции», а по ошибке примчали к нам в клинику. Из этого вовсе не следует, что от нас он побежит своими ножками домой. Я лично не уверен, что он у нас поднимется... Я не могу рисковать репутацией своей клиники, наконец, своей собственной репутацией. Если мы сейчас забьём клинику едва тёпленькой публикой, то где гарантия, что у нас она не сделает последнее – не остынет? Какие слухи взорвут город? У Кребса не клиника. Сплошной морг! Туда ехать можно, но только предварительно заказав гроб! Вас такая репутация веселит? Лично меня знобит!

– Но-о институтская клиника и не базар. Это на базаре вы за свои денюжки можете набрать, скажем, яблок, какие на вас смотрят. А в нашем деле выбора нет. Что подали... Что подвезли, то и принимай.

Кребс уныло поморщился.

³¹ По татарской дороге – в последний путь.

– Боюсь, наживу я с вами рак головы... На меня смертельную нагоняют тоску ваши фантазии дилетантки. В полупустую корону клиники вы должны добыть богатые жемчуга, а не булыжники. Жемчуга нужны! Жем-чу-га! И не мне одному! И вам! Прежде всего вам! Вашему методу! Вашему борцу! Нужен звёздный взлёт! ОбвальнЫй успех! Каскад! Карнавал! Незатухающий вулкан успеха!.. Тогда народище хлынет к вам, вознесёт! Воспоёт! Но если мы в своей клинике будем корячиться исключительно на могилокопателей, город капитально забросает нас камнями. Вы погубите и свой метод, и себя, и меня!..

Молотил Кребс с тем безотчётным, неуправляемым энтузиазмом, когда грохочущему потоку напыщенной, бессвязной речи не было видно ни конца, ни маломальской ясности.

– Совсем зарпортовались, – кротко перебила его Таисия Викторовна. – Никак не вырулите на главную мысль.

– С вами, милочек, вырулишь! Поясняю... Мы берём хотя б на первых порах больных полегче. От нас они выскакивают здоровенькие. Подправляется реноме клиники, наш метод вежливо вырывает поддержку в верхах. Мы на коне! Отогреваемся в лучах... славы... А чтоб были лучи, не должно быть четвёртой стадии. Излечение в четвёртой стадии равносильно чуду и то неземному. Так что лучи и четвёртая несовместимы.

Таисия Викторовна устала на Кребса в глубокой задумчивости.

«Почему он о моём методе говорит как о *нашем*? Неужели у него на плане вмазаться в соавторы? Ну что ж, этого и следовало ожидать. Разве руки гнутся от себя, а не к себе? Было б озеро, черти наскочат... Без личной выгоды зачем ему дарить мне десять коек в его клинике? Но заупрямься я на четвёртой – вообще к клинике не подпустит. Потеряешь всё! Мда-а... Гладкая дорожка, а не переидёшь...»

Что же делать? Что? Спасать разом всё – заживо хоронить всё! Не умнее ли на первой поре уступить, поддакнуть, кинуть в жертву четвёртую, а там, закрепившись, и за эту малость вступить? Как это один говаривал... Кажется, главное ввязаться в драку, а там кто-нибудь по шее и даст? А может, и не даст. Главное, хоть как-то ввязаться, хоть как-то начать...

– Конечно, – сожалеюще сказала Таисия Викторовна. – Раз вы нашли несовместимость крови у лучей с четвёртой стадией, так нельзя это не брать в резон... Не посидеть ли пока в тенёчке госпоже Четвёртой?

– Наконец-то я слышу дело! – Кребс ободрительно пожал ей локоть. – И то... Разве, спасаясь бегством, любят природой? Не-ет... Вот мы и уговорились. Можно расходиться. Но прежде разрешите по старой памяти проводить вас до калитки.

– Если не устали...

– Возле вас устать?! – воскликнул он. – Да возле вас с каждым шагом по году с плеч сваливается! Я чувствую себя

возле вас совсем молодым, прытким, лёгким. Как *тогда*....

Тогда, в студенчестве, он на первом курсе провожал её до калитки и возвращался в общежитие уже на первом свете. Странно. *Тогда* адски тёмных ночей почему-то не было. Сколько помнит, все ночи в этом её тупичке были с какой-то волшебной светлинкой, не то что сейчас.

Они шли рядом, и он не видел её лица.

Он хотел спросить, почему сейчас такие чёрные вечера, но счёл свой вопрос нелепым, не стал спрашивать.

«Что он вцепился, как вошь в кожу?» – беззлобно подумала она, недовольная тем, что он поддерживал её за локоть.

Она резковато качнула локтем.

Кребс отпустил его, оправдывая её невежливость:

«Близко дом... Опасная зона... Нам ли разгуливать под ручку? А вдруг навстречу муж или из соседей кто? Зачем же наводить на Таёжку компромат? Да и сам могу поймать по мордаскам...»

Дальше молчать было просто неприлично.

Кребс задумался, что бы такое спросить, и даже охнул от восторга, когда вопрос всё-таки стоящий выискался.

– А вы не откроете служебную тайну, кто первый принял ваши капли? Вы помните того человека?

– Я сама. Моя игрушка... С себя и начинай.

– Вы-ы? – как-то огорчённо удивился он, опечалившись не тем, что это была именно Таисия Викторовна, а тем, что ответ ему так скоро нашёлся. – И... Как всё это было?

– Да как... Начиная с пустяка. С одной каплѐшки. Капля для человека, что слону дробина. По одной три раза в день. Через неделю уже по две. На пяти каплях почуяла... как-то угнетает...

– И перекинулись давать больным?

– Нет. После себя проверила ещё на кошке. Сразу боялась ей давать. А ну примрѐт?... Ну, моя игрушка, сама поиграла первая... Не отравилась. Как-то кошка теперь примет мои капли? Давала с молоком, с супом. На пятой учуяла – как человек! – запротестовала, не взялась есть. У меня не она, а он... Не взялся есть мой бедный Мурчик...

Кребса так и осыпало морозом.

– Совершенно белый кот, лишь одно ухо, правое, забрызгано чёрными крапинками? – отшатнувшись, выкрикнул он, поражѐнный.

– Совершенно белый кот, лишь одно ухо, правое, забрызгано чёрными крапинками, – слово в слово подтвердила Таисия Викторовна. – Вы-то откуда знаете моего кота?

– Это мне-то не знать своего кота? – как-то неестественно, дураковато хохотнул Кребс и навалился объяснять: – Люция Ивановна была помешана на кошках. Дюжины с три держала. Не дети – кошки задавили... Не терпел я их, а потом притѐрся, привык. Грома-адное кошачье наследство отписала покойная. Всему городу раздариваю её кошек, а они всё назад сбегаются. Что они никому не нужны, что я... – горестно выронил он.

Ему вспомнилось, как дворничиха, ширкая сегодня утром под окнами метлой, пожалела его какой-то старухе, сказав: «Один, как перст!» Он уже не спал, слышал весь их разговор, и слова про то, что он в свете один, как перст, сломали его, он заплакал в холодной постели.

«Один, как перст», – сокрушенно повторил он в мыслях. Ему стало жалко всё вокруг и дальше он говорил уже так – всё жалея:

– Я их, кошек, вроде и жалеть начал... Мурчик мне нравился, да не стерпел, подарил вашей Миле. Дочка у вас – совершенная очаровашка. Только очень уж худа, как игла.

– А вы хотите, чтоб была, как мешок с зерном?

– Конечно, и мешок ни к чему... Когда я её вижу, меня обжигает такое чувство, будто лично я ей отец.

Таисию Викторовну бросило в огонь. Колко отстегнула:

– Спешу вас авторитетно успокоить, чувства вас обманывают.

– Да, да, – опечаленно согласился он. – Жизнь ушла, и под старость лет ни одного не пустил я своего росточка... Кем прорасти в завтра? Не кем, а чем... Кладбищенской травой...

– Что вы себя опеваете? – рассердилась Таисия Викторовна. – Ну что зубы-то пилить?³²

– Правдушка ваша, – твердея, ответил он, набираясь духом, через силу улыбаясь. – До травы мы ещё... Вернёмся к

³² Зубы пилить – болтать попусту.

Мурчику. Как судьба удачно-то завернула! Ну Мурчик! Ну Мурчик! Он снова нас свёл... В опытах вы пили свою долю, а Мурчик – мою. Теперь скажите, милочек, что я на равных с вами не участвовал в открытии борца!?

Кребс игриво выбросил вперёд одну ногу, изловчился, низко наклонясь, хлопнул под нею в ладошки и, не устояв, пал на попочку.

Всегда безукоризненно чисто одетый, всегда педантично важный Кребс, не без оснований носивший прозвище *стерильный Кребс*, поверг Таисию Викторовну в недоумение. Изгвазданный с ног до головы, обмакнутый в грязь, он стоял, понуро раскрылив руки. С пальцев катилась чёрная жижица.

– До калитки, Тайна Викторовна, я вас проводил, – потерянно пробормотал он, – но руку́ вам пожать не смогу... Я вас выпачкаю... О натюрель...

Закавырцевский борец неслыханно набирал силу, власть. Скоро весь Борск только и гудел о нём.

Кребс ходил гоголем, ни с кем не обмолвился и словом без того, чтоб не подхвалить борец. Хотя хорошая вещь крикламы не требует, но кому реклама мешала?

Как-то Таисия Викторовна погоревала вслух при Кребсе, хорошо б всё-таки испытывать борец не только в институтской клинике, но и у себя в диспансере, где работала, под своим непосредственным постоянным наблюдением.

Кребс меланхолично пообещал:

– Бу сделано, соболиночка.

И пошёл в облздрав.

Пришлось Грицианову выжимать десяток коек под борец.

Укрепил Кребс прежде всего себя.

В шутку он подпускал, что его историческое место во все времена впереди и с шашкой на белом коне. Всякая шутка правдой жива. Он был ведущий консультант у раковых гинекологичек у себя в клинике, стал им и в диспансере. Подмяв два таких трона, позволит ли он теперь плюнуть себе в лицо, допустит ли, чтоб борец дал в диспансере результаты, не устраивающие его, Кребса?

Была пора, диспансер наотрез отмахнулся от борца, а тут, пристыженный успехами в кребсовской клинике и поталки-

ваемый облздравом, снова покаянно шатнулся к борцу.

Борск очумело разинул рот.

А придя в себя, сказал Кребсу:

– Глубокоуважаемый Борислав Львович! Не хватит ли нам коридорно-уличных сладких песнопений? Однажды соберите всех нас в кучу да покажите, что за мблodeц ваш боерец. Тогда и мы поймём, чего вы с ним носитесь как Маланья с ящиком.

– И соберу! И покажу! – тронно отвечивал Борислав Львович.

Однако время шло.

Борцовские смотрины всё отодвигались, всё отодвигались.

Борислав Львович не находил места. Чьим представлять этот проклятый боерец? Закавырцевским? Ш-шалите! Зачем же генералу подсаживать солдатику в маршалы? Зачем обставлять самого себя? Это накладно. Это нерентабельно.

Может, преподнести его как *наш боерец*? А Тайга-Таёжка не вскинет норку, не покажет коготки? Не захнычет ли на весь город: «Дедюка³³ отнял пирожок!»?

А что?... Тайга-Таёжка – мой остров сокровищ! А что, если мы этой Тайге, извините, застегнём роток женитьбой? Самой вульгарной, самой банальной?... О женщины! Вами движется жизнь. Вы – вечный двигатель жизни! За Люцийкой Ивановной я умкнул кафедру, клинику, чин профессора. А

³³ Дедюка (детское) – чудище.

за Тайгой с её борцом разве не вырву я себе академика? Вырву. Обязан. Поначалу будет «Борец Кребсов», потом вывеску я заменю на «Борец Кребса». Так звучней, конкретней, солидней, надёжней. Щекотнётся наша Тайга! Нечего нарымской свистушке ошиваться в науке, историческое место жаны на кухне!

Такой план пленения борца разогрел Кребса.

Под момент он боковыми словами, обвиняками намекнул Таисии Викторовне на разженёху, на развод. Мол, сотвори ручкой своему просветителю-рентгенологу и пускай не отсвечивает, отбывай своим душевным теплом отогревать наши настывшие профессорские апартаменты. Ну что, невестушка, не прочь покататься под кустиком?³⁴

Она приняла этот выверт как неуклюжую шутку. Однако выкатила ему на сто лет – крапивка и молода, а уже кусается! – так что у него сразу разохся интерес к женитьбе.

В голову полезла дичь.

То ему зуделось, чтоб Таисия Викторовна однажды взяла да и сделала предоброе дело – померла. Таисии Викторовны нет, а борец есть! Недурственно.

Как-то легко всё выбежало на поговорку: что бабе хотелось, то и приснилось.

Три ночи подряд он сладко видел, как Таисия Викторовна умирала. Ещё во сне вежливо ликовал, но, пробудившись,

³⁴ Невеста под кустом – свадебный обряд: катание невесты на лошадях в повозке с кустом, на котором навешаны украшения.

едва прощуриив глаза, густо мрачнел. На всякий случай – а вдруг и правда? – на рани звонил каждый раз Таисии Викторовне домой по её номеру 59–96, слышал её жизнерадостный голос и совсем скисал, убеждаясь на собственном опыте, что сны, увы, химера, верный обман.

А то вчера наснилось, что борец, стройный орёлик, увешанный своими синими колокольчиками, в синем цилиндре, покручивая на синем пальчике синюю тросточку, пришёл на кладбище.

Приподнимет чинно цилиндр, поклонится холмику, скажет: «Прошу!» – и холмик расступается. Потягиваясь, как после сна, встает упокойник. Невесть чьи руки – человека всего не видно, видны лишь руки – подносят покойнику всё то новенькое, в чём провожали сюда, он одевается.

Борец обошёл всё кладбище, оживил всех покойников и те разбежались, весёлые, по домам. Лишь у кладбищенских ворот остался лежать кладбищенский сторож. Он умер, испугавшись наказания за то, что не устерёг мертвецов.

Кребс присмотрелся к сторожу и закричал. У сторожа было его, Кребсово, лицо!

Этот сон подтолкнул профессора к решительности. Чего декламацию разводить? Чего тереться вокруг да около? Надо г-гох молотком и гвоздь по самую шляпку в бревне!

Через неделю сияющий уверенностью Кребс принёс Таисии Викторовне тугую пачку листов величиной с ладонь.

– Я дам вам список. Разнесёте этот динамит, – тряхнул

пачкой. – В упор добъём последних скептиков!

Таисия Викторовну взяла пачку, чугуinelым взглядом пристыла к верхнему листку.

ОБЪЕДИНЁННОЕ ЗАСЕДАНИЕ

хирургического, онкологического и
гинекологического

борских научных обществ

СОСТОИТСЯ В АКТОВОМ ЗАЛЕ БОРСКОГО МЕ-
ДИЦИНСКОГО ИНСТИТУТА 29 СЕНТЯБРЯ 1955
ГОДА, В 7 ЧАСОВ ВЕЧЕРА

ДОКЛАДЫ:

Профессор Б.Л.КРЕБС

ЛЕЧЕНИЕ РАКА БОРЦОМ (ДЕМОНСТРАЦИЯ
БОЛЬНЫХ).

Ассистент У.Х.ПУПБЕРГ

Ординатор Н.И.НЕКИПЕЛОВА

Некоторые данные лечения борцом женщин,
страдающих раком половой сферы
(демонстрация больных).

«А где же я? Где?... Осталась остриженная?...»³⁵

Таисия Викторовна ещё раз пробежала фамилии – нет За-
кавырцевой!

И растерянные её жалкие глазёночки остолбили³⁶ Кребса.

Кребс хищневато ждал этого взгляда, потому не сводил с
неё глаз; покуда она читала, наготове держал на лице оста-

³⁵ Остриженная – ограбленная.

³⁶ Остолбить – уставиться глазами в одну точку.

новившуюся липкую улыбку.

– Милочек! Выше головку! Это я вам говорю!

Она как-то придавленно подвигала одним плечиком.

– Вы искали себя и не нашли. Объясняю, почему вас нет...

Здесь, – Кребс потыкал согнутым указательным пальцем в пачку, которую она как-то неловко держала, – больша-ая дипломатия... Слишком ответственная игра... У нас отобрано право на проигрыш. На карту поставлено всё! И банк должен метать первый игрок, ваш покорный слуга! – с лёгким, галантным поклоном показал на себя. – Короче, основной доклад обязан делать я. Я – это я... Профессор и так далее. А кто вы? Кто вас знает? Народу набежит битком. В каждом стаде найдётся чёрная овца. Одна чернушка вякнет, вы растеряетесь, другая подвякнет – и дело пустило пузыри. Я же не растеряюсь. У меня не выдернешь кость из пасти! Старая гончая надёжно делает охоту! – распаяясь и входя в раж, убеждённо чеканил Кребс. Ему понравилось насчёт гончей, он подобрался, как гончая, чутко и быстро огляделся, будто выискивая что. – Мы, повторяю, вылетели на финишную прямую. Нам сейчас важней повыигрышной поднести свои успехи. Не мельчить! Чья есть фамилия, чьей нету... Что за мелочи!? Дело – прежде всего! Мы с вами, – он подумал и простодушно улыбнулся, – мы с вами так слились в борце, что не разлить водой. И не надо разливать. Это ж, – повело его на игривость, – и экономия воды, и экономия места в объявлении, и ещё громадный плюс – лишний раз не по-

дразним злых гусей фамилией, неизвестной в учёном мире. Не убивайтесь. Вас просто не воспримут, милочек! Так что ваше отсутствие, – кивнул на пачку в её руках, – работает исключительно на нашу мельницу! Пускай вас нет в листке – подумаешь, событие века, глянул и выбросил! – зато вы в сути! Я представляю, я защищаю перед высоким собранием лично ваши интересы!

Она слабо, отстранённо качнула головой.

С мягким удивлением, с удовольствием – есть на чём погреть глаз – он изучающе уставился на Таисию Викторовну:

«Ну, слава Богу, кажется, уломал. Может, ещё малой кровью выхвачу своего академика? К чему нам свадебные скачки?...»

«Что же я такая безграмотная, как кошка, в этой в ихней распроклятой дипломатии? – корила она себя. – Это ж он, гладкий клоп, отгоняет, откидывает меня, плюшку... Невзель я совсем пустёха, что и свиньям шей не разолью?»

Ей стало жалко себя, и она тонко, по-щенячьи заскулила в плаче.

«Плачьте, милочек, плачьте, дружочек, – ласково подумал он, обнимая её за худые плечики и отечески целуя в лоб. – Плачьте и запомните – это ваши последние слёзы. В канун счастья! Двадцать девятого вы услышите гимн борцу. И петь его будет весь зал стоя! Запомните и то, что двадцать девятое сентября красно будет вписано во все календари мира. Этот день повсюду станут праздновать как день избавления чело-

вечества от рака! Рак упоминался ещё в папирусах Эберса, это 3730-ый год до нашей эры. Без мала шесть десятков веков человечество билось с ним, как видите, безуспешно. И лишь вот, наконец, в клинике вашего покорного слуги, – в мыслях Кребс благостно сложил ладонь к ладони, с грациозным поклоном указал ими на себя, – свершилось чудо. Рак побил рака!»³⁷

Борислав Львович был в высшем расположении духа, и этот свой нечаянный экспромт он отнёс к пробной прокрутке коронной речи, которая была уже готова и держалась ото всех в тайне.

Всё узнаете двадцать девятого!

³⁷ Игра слов. Рак по-немецки – кребс. (Примечание автора.)

Но как раскладывалось, увы, не выкрутилось.

За три дня до заседания Борислав Львович топнул ножкой. Факт невероятный, как невероятно землетрясение в Рязани или наводнение в Сахаре.

Всегда безукоризненно выдержанный «стерильный Кребс» был со всеми ровен, спокоен, как параграф, и вдруг – топнул.

По единодушному мнению сослуживцев, топот Борислава Львовича был зарегистрирован всеми сейсмическими станциями в тот момент, когда он налетел в областной газете на объявление о заседании.

Что за невидальщина! Как объявление затесалось в газету? Кто подсуетился? И главное, ка-ак в докладчики выскочила сама мадам Закавырцева?!

Чёрный детектив! Без Дюма-папаши и сыночка не разобрать.

Борислав Львович спешно востребовал к себе в кабинет Закавырцеву. В кулак зажал своё мужество, заставил себя стерильно улыбнуться ей.

Трудно, но улыбнулся.

Трудно идёт улыбка, когда тебя рвёт жажда метать икру вперемежку с молниями.

– Дорогая Таисия Викторовна, – строго выдерживая ров-

ный тон, сказал он. – Нет ли у вас горяченького желания осчастливить меня *вашей* программкой?

– А разве вас как докладчика не поустят?

– Всё может быть, – заставил он себя вежливо улыбнуться.

В программке был тот же текст, что и в газете.

– Тэ-экс... чики-брики... – задумался он. – Извините, но меня одолевает любопытство... А вам нетрудно объяснить, почему вы всю программку заново перепечатали?

– Ну... – замялась она в нерешительности. – У вас программка была напечатана чёрным... Текст обвели толстой чёрной рамкой... Будто объявление о смерти... Я и текст пустила синим, и витую рамку синей. Разве так не красивей? У борца колокольчики синие...

– И наложить текст на рисунок цветущего борца... Во вкусе вам не откажешь, – сдержанно подхвалил он. – Поделитесь, будьте любезны, опытом, как это вы умудрились переделать на свой лад? Вышло красиво... объявление – цветок... Но всё это не просто... Не частное дело... Типография, заказ, разрешение... Кто вам всё это санкционировал?

Конфузясь, заикаясь, Таисия Викторовна начала рассказывать так невнятно, что Кребс ничего не разобрал, но из деликатности уточнять не стал.

– А теперь, почему и в газете и здесь, – Кребс постучал остро отточенным красным карандашом по программке, – вы водрузили себя в докладчиках впереди меня, не спросив на то даже моего согласия?

Ехидное, какое-то насмешливое, совсем не к месту словцо *водрузили* дёрнуло её. Она сморщенно и быстро посмотрела на Кребса, сердито пропищала:

– Потому что вы его всё равно б не дали!

– Спасибо. Честно и даже с наскоком смелости. Я должен рассматривать это как вызов? – нарочито безразлично спросил он.

– Только лишь как справедливое уточнение. А то получалось, что я вообще никакого отношения не имею к работе с борцом.

– Опять двадцать пять, – совсем поскучнел Кребс. – Опять перепевай сказанное в прошлый раз? Я подавал вам руку помощи, вы её оттолкнули. Пожалуйста... Однако я позволю себе заметить. Забегая поперёд батьки в пекло, вы не подумали, что, вбежав, не найдете, где и присесть? Не подумали, что в том пекле можете сгореть? Если вы у себя дома обвели в календаре двадцать девятое красным и ликуете, то лично я теперь подожду и обводить и ликовать, – монотонно, тоскливо тянул он. – Поставив себя впереди меня, вы, мягко говоря, опасно замахнулись. Ну что ж, посмотрим, как вы... Это будет бой. И с чем вы выйдете к этим мамонтам? К этим носорогам? Наши предки ходили на добычу с копьями, с луками, со стрелами... У вас же нет не то что простого камня,³⁸ у вас нет даже камушечка. Голенькая, пустенькая, чего вы добудете кроме смеха? Пока не поздно, будьте муд-

³⁸ Камень (здесь от *к.м.н.*) – кандидат медицинских наук.

ры, не бейте по дающей руке... Нам надо как-то узаконить наши отношения... Вы пришли со своим препаратом ко мне в клинику, мы вместе, союзом... ну и... Мы не чужие друг другу... На худой конец, мы соавторы. Не так ли? Не дичитесь, отвечайте...

Сбелев лицом, Таисия Викторовна молча положила перед ним на стол вчетверо сложенный лист.

Он нервно развернул.

СПРАВКА № 697

о принятии к рассмотрению заявки на предполагаемое изобретение.

Выдана министерством здравоохранения СССР Закавырцевой Таисии Викторовне в том что 16 октября 1954 года министерством принято заявление о выдаче авторского свидетельства на предполагаемое изобретение.

СПОСОБ ЛЕЧЕНИЯ РАКА БОРЦОМ

Действительным автором предполагаемого изобретения указан Закавырцев Т.В.

Заявление подано заявителем.

Начальник отдела изобретательства и рационализации Ученого совета министерства здравоохранения СССР Г.Субботина.

Эта справка так ошеломила Кребса, что он век не мог оторвать от неё окаменелого, ненавистного взгляда.

«Действительным автором предполагаемого изобретения указана Закавырцева!» – суматошно толклось в голове.

Он мёртво пристыл к этой строчке, вовсе не замечая, что в слове *указана* съедено окончание.

«Юридически плотно всё обставила. Комар носом не подденет... Она, она одна действительный автор, и ни с какого боку к ней не подхватиться. Не подхватился тупенький Золотой Скальпель, не удержался и я... Неудачнику и в яйце кость попадается... А думалось, я-то не Скальпель, я-то не лопухнусь. Ло-овко провела старого краба! Весёленький номерок... Гм... У мелкой рыбёшки острые косточки... Какая-то девка-шнырь профессору нос подтирает! А насядь... Не пришлось бы льву от комара защищаться. Ах, милочек, милочек... Всё молчала... Так поддеть на фуфу... Маленькая змейка взмутила целое море! Ну!»

Кребс свёл пальцы в кулаки, подавил ими – лёгкая судорога трясла кулаки – подавил ими столешницу, словно пробовал, прочна ли.

– Вы... – просительно буркнула Таисия Викторовна, – вы уж не гневитесь... Заявку я подала заранее. Ещё до прихода к вам в клинику... При всём желании уже не впишешь вас в соавторы...

Не удержался Кребс на деликатных вожжах и всплыл на дыбки.

– Какие соавторы?! – зыкнул во всю глотку. – Какие ещё соавторы? Я к вам – в соавторы? Я что, специализируюсь на стибрилизации?! Да вы даёте отчёт своим словам?! Сию же минуту выписываю всех ваших больных второй стадии!

Набираем только четвёртой! Вот и увидим, чего стоит ваш хвалёшка борец!

– Ка-ак?! – жалобно простонала она. – Ну, к чему из иголки верблюда делать? Вы ж запрещали брать четвёртой...

– Вы ещё девчонка, чтоб меня учить! Девчонка!

Таисия Викторовна посмотрела с трибуны в зал и её опакнуло жаром.

Народушку невпроход! Негде пятку поставить. Пятна, пятна, пятна. Пятна лиц. Океан лиц. Взоры, ожидающие, тоскующие, ободряющие, холодные, злосидные, тесно сошлись на ней, как в фокусе.

Прихватывал, подкусывал непонятный, необъяснимый страх.

Она растерялась, забыла, зачем вышла к трибуне.

Оробело скосила на президиум.

Ближний к ней из президиума мужчина ободрительно вскинул голову с сивым ёжиком.

– Поехали! – И ласково приказывающе прошептал по слогам подсказку: – То-ва-ри-щи!

– Товарищи... – еле пошевелила она зачугунелым языком. – Товарищи! – уже надёжней, разгонистей повторила. – Това...

Мужчина из президиума строго глянул на неё. И далече вы собираетесь ускакать на *товарищах*?

Таисия Викторовна осеклась на полуслове.

Что говорить? Что?

– Товарищи... – в панике выдавила она, натвёрдо прикипев глазами кверху трибуны, и тут вдруг, кажется, даже

заслышала тяжёлое дыхание за спиной подбежавших ей во спасение слов, велеречивых, звонких, добрых. – Товарищи, необходимость важного значения вынудила меня подняться на эту сцену... Изложение своё сообразно цели... я думаю передать в виде беседы, что, по-моему, гораздо лучше, понятнее, доступнее...

Она как-то удивлённо, с простецким любопытством послушала себя, послушала, как путано, коряво говорила, вслушалась в свой механический, какой-то чужой, роботный, голос и вспомнила, немного покопавшись в голове, что надо говорить.

– Дальше всего от меня мысль выступить против существующего направления в медицине. Не думаю я также нападать на чьи-либо познания и признания. Всякое возражение, всякую правильную поправку я охотно встречу, приму с благодарностью. Мой доклад будет как бы из двух докладов. Первый. Об организации лечения борцом. Второй. Характеристика препарата, лечение, характеристика всех моих пятидесяти пяти больных, демонстрация моих больных с клиническим выздоровлением. Доклад о лечении рака борцом я должна была сделать по возвращении из Москвы ещё в марте на заседании онкологического общества. Но мне такая возможность не была предоставлена. Это создало ряд неправильных толкований по поводу препарата и меня как врача...

Таисия Викторовна не замечала, что плела свою речь ко-

ряжисто, неумело, не в лад. Пуще всего она боялась потерять нить мысли и замолчать.

– В предоставлении коек для клинического испытания борца при лечении больных в онкодиспансере мне отказали и только при содействии облздрави выделили десять коек. Какого-либо участия в клиническом испытании борца врачи онкодиспансера не принимали, если не считать двух больных, взятых врачом Желтоглазовой и тут же мне возвращённых...

Грицианов, председательствовавший на заседании, уныло осуждающе покивал, тронул Кребса за локоть – сидели в президиуме рядом:

– Ну что ж, Борислав Львович, мелкий перчик горше? – постный взгляд на Закавырцеву. – Какую музычку вы назаказывали, такую и слушаем-с? Сабо самой... Зачем вас носило в облздрав? Я перед самой Москвой отбоярился, еле отбрыкался от этих испытаний, а вы и сунь мою бедную головушку в хомут... Э-хэ-хэ... За что боролись, на то и напоролись... Или, как бы завернула моя супружка, какой пирожок, Маруся, испекла, такой и кушай...

– Не зудит, – сказал Кребс. – Бездарь тем и сильна, что живуча, неистребима, как рак, – и нахлопнул ладошкой по столу: басни кончены, слушаем!

– Я хотела, – продолжала Таисия Викторовна, – чтоб с борцом работали только в диспансере под моим прямым контролем. Но так крутнулось, его испытывали и в гинеко-

логической, и в глазной, и в лорклиниках. Мой борец как малое дитя на первой поре... Где как не у мамушки у родимой на руках ему способней? Чужие руки и студливы, и злы, и пусты...

– Это уже подкатила шарик под вас наша бухенвальдская крепышка, – с подначкой зашептал Грицианов, клонясь к Кребсу.

– Не председатель, а сорока! – пыхнул Кребс, не убирая раздражённых глаз с Закавырцевой. – Вы дадите послушать?

– Да ну пожалуйста, пожалуйста! – ответил Грицианов со льдистой вежливостью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.